

НАУЧНЫЙ
АСПЕКТ
na-journal.ru

2024

№1
TOM 12

УДК 001.8(082)

ББК 1

Н 34

Периодичность – 12 раз в год

Свидетельство ПИ № ФС 77-84349

ISSN 2226-5694

Состав ред. коллегии и сведения об учредителе
приведены на сайте <https://na-journal.ru>

Н 34 НАУЧНЫЙ АСПЕКТ № 1 2024. – Самара: Изд-во ООО «Аспект»,
2024. – Т12. – 128 с.

Журнал «Научный аспект» является научным изданием и отражает результаты научной деятельности авторов по различным дисциплинам в области гуманитарных, естественных и технических наук.

УДК 001.8(082)

ББК 1

Почтовый адрес: 420100 г. Казань а/я 9

Официальный сайт: <https://na-journal.ru>

Электронная почта: public@na-journal.ru

Подписано к печати 15.02.2024

Бумага ксероксная. Печать оперативная. Заказ № .
Формат 60×84 /16. Объем 7,68 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Куранты»

г. Казань, Сибирский тракт, 34к14, оф. 317, тел. +7 (843) 216-12-71

Содержание

ПРАВО

Семко Ю. Н.

Реализация Постановления Правительства Российской Федерации от 28.09.2015 № 1027 «О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции».....1433

Николашин М. А.

Современные перспективы противодействия терроризму в Российской Федерации и мировом сообществе.....1439

Николашин М. А.

Развитие криминологических аспектов борьбы с терроризмом в сети Интернет в Российской Федерации.....1443

Онопченко А. А.

Процессуальное ограничение следователя при направлении хода расследования уголовного дела.....1448

Онопченко А. А.

Заключение эксперта как функциональное ограничение полномочий следователя.....1452

Лемяцких Е. О.

Общезвестный товарный знак: основные проблемы регистрации и использования в эпоху информатизации.....1456

Тлежуков М. Х.

История создания, структура и состав государственных информационных систем Российской Федерации.....1465

Молчанов Г. В.

Особенности правового регулирования договора аренды нежилых помещений.....1477

Молчанов Г. В.

Сущность и понятие нежилого помещения как объекта недвижимого имущества.....1484

Лариса С. Р.

Основные сценарии процессуального развития укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной экспедитора.....1490

Лариса С. Р.

Основные сценарии процессуального развития укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента.....1499

Быкова В. Р.

Изменение дееспособности граждан как фактор, влияющий на участие в гражданских отношениях.....1513

Быкова В. Р.

Гражданско-правовая дееспособность как одна из характеристик правового статуса личности.....1519

Ильина А. А.

Категории «труд» и «работа», их значение для определения трудовой функции работника.....1524

Ильина А. А.

Проблемные вопросы деятельности института трудовой функции.....1530

Харазия С. С.

Прокурорский надзор как гарант обеспечения законных прав субъектов предпринимательской деятельности.....1536

Успенский С. А.

Особенности разграничения полномочий между органами публичной власти в сфере регулирования земельных правоотношений в Российской Федерации.....1542

Мальгин В. С.

Улучшения в части законотворческой деятельности для развития внешнеэкономических связей и международного сотрудничества СЗФО.....1549

УДК 342.51

Реализация Постановления Правительства Российской Федерации от 28.09.2015 № 1027 «О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»

Семко Юлия Николаевна

студент магистратуры факультета Экономики и управления
Российского государственного социального университета

***Аннотация:** Настоящая статья представляет анализ мер, принятых в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.09.2015 № 1027, направленным на пресечение незаконного производства и оборота алкогольной продукции. Рассмотрены ключевые аспекты и результаты внедрения системы ЕГАИС (Единая Государственная Автоматизированная Информационная Система) и других мер контроля в различных регионах России. Освещены вопросы усиления законности в сфере алкогольного рынка, ужесточения надзора за оборотом алкогольной продукции, а также повышения ответственности нарушителей. Анализ показывает значительный прогресс в борьбе с нелегальным оборотом алкоголя и укрепление экономической и социальной безопасности общества.*

***Abstract:** This article presents an analysis of measures taken in accordance with the Decree of the Government of the Russian Federation dated September 28, 2015, No. 1027 aimed at suppressing the illegal production and turnover of alcoholic beverages. The key aspects and results of the introduction of the EGAIS system (Unified State Automated Information System) and other control measures in different regions of Russia are considered. The issues of strengthening the rule of law in the alcohol market, tightening supervision over the turnover of alcoholic beverages, as well as increasing the responsibility of violators are highlighted. The analysis shows significant progress in combating illegal alcohol trafficking and strengthening the economic and social security of society.*

***Ключевые слова:** незаконное производство алкоголя, ЕГАИС, контроль алкогольной продукции, постановление Правительства РФ, экономическая безопасность, социальная безопасность, законность в алкогольной индустрии.*

Keywords: illegal alcohol production, EGAIS, alcohol product control, Russian Government resolution, economic security, social security, legality in the alcohol industry.

В современной России проблема незаконного производства и оборота алкогольной продукции остается одной из ключевых социально-экономических и правовых задач. Этот феномен негативно сказывается на здоровье граждан, экономическом благосостоянии страны и порядке в обществе. Нелегальный алкоголь, часто производимый в ненадлежащих условиях, представляет серьезный риск для здоровья, вплоть до летальных исходов вследствие отравлений. Экономический урон проявляется в уклонении от налогов и ущемлении интересов легальных производителей и дистрибьюторов, что подрывает фундаментальные принципы рыночной экономики. Более того, незаконный оборот алкоголя способствует развитию организованной преступности и коррупции, подрывая законность и порядок в обществе [1].

В ответ на эти вызовы Правительство Российской Федерации 28 сентября 2015 года приняло постановление № 1027 [4], целью которого является комплексное решение проблемы нелегального алкогольного рынка. Данное постановление было разработано как часть широкомасштабной стратегии по укреплению государственного контроля в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Оно предполагает не только ужесточение наказаний за нарушения, но и внедрение систем мониторинга и контроля, направленных на предотвращение незаконного оборота алкоголя.

Осознание масштабов и серьезности проблемы незаконного алкогольного рынка в России требует всестороннего анализа текущей ситуации и поиска эффективных путей решения. В рамках данной работы будет осуществлена оценка эффективности принятых мер, а также предложены дополнительные стратегии для улучшения ситуации в данной сфере.

Основные меры постановления Правительства РФ от 28 сентября 2015 года № 1027 можно рассмотреть, как стратегический ответ на растущую проблему незаконного производства и оборота алкогольной продукции в Российской Федерации. Этот документ вводит ряд ключевых мер,

направленных на устранение и предотвращение нелегальных действий в алкогольной индустрии, охватывающих как изменения в законодательной базе, так и усиление контроля и надзора.

Первостепенной целью постановления является обеспечение строгого контроля за производством и распространением этилового спирта и алкогольной продукции. Это достигается путем внедрения усовершенствованных методов отслеживания происхождения и перемещения продукции, что позволяет значительно уменьшить количество нелегально произведенного и реализованного алкоголя.

Ключевым элементом постановления является введение строгих нормативных требований к лицензированию производителей и продавцов алкогольной продукции. Лицензирование становится инструментом не только для подтверждения законности деятельности, но и для оценки соответствия производства установленным стандартам качества и безопасности.

Также значительное внимание уделяется повышению административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере оборота алкогольной продукции. Это включает в себя ужесточение санкций за нелегальное производство, хранение и продажу алкоголя, что становится сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей.

Дополнительно, постановление предусматривает разработку и внедрение систем электронного учета и контроля за оборотом алкогольной продукции, что облегчает отслеживание и выявление нелегальной деятельности. Эти системы позволяют в режиме реального времени контролировать движение алкогольной продукции от производителя к потребителю, тем самым минимизируя возможности для нелегального оборота.

В контексте реализации постановления Правительства РФ № 1027 от 28.09.2015 года, основной акцент в борьбе с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции был сделан на усиление контроля и прозрачности алкогольного рынка. В этом ключе внедрение системы ЕГАИС (Единая Государственная Автоматизированная Информационная Система) оказалось одним из самых значимых инструментов.

Система ЕГАИС представляет собой комплексное решение, направленное на мониторинг и контроль за всем процессом оборота алкогольной

продукции, начиная от производства и заканчивая розничной продажей. Основная ее особенность заключается в цифровой маркировке каждой единицы алкогольной продукции уникальным идентификационным номером, что позволяет отслеживать и контролировать ее движение на всех этапах: от производства до конечного потребителя. Эта мера значительно усиливает борьбу с контрафактной продукцией, так как каждая легально произведенная бутылка алкоголя зарегистрирована в системе, исключая тем самым возможность ее подделки.

Важным аспектом ЕГАИС также является обязательность ее использования всеми участниками алкогольного рынка в России, включая производителей, импортеров и розничных продавцов. Это обеспечивает всесторонний контроль и покрытие всего рынка, повышая его прозрачность и позволяя государственным органам оперативно реагировать на любые нарушения.

Применение ЕГАИС также способствует упрощению налогового контроля, поскольку точный учет каждой единицы продукции минимизирует риски уклонения от налогов. Прозрачность системы обеспечивает государственным органам доступ к актуальной информации о движении алкогольной продукции, ее объемах и местонахождении, что способствует эффективному налоговому учету.

Наконец, благодаря ЕГАИС повышается доверие потребителей к качеству и легальности приобретаемой продукции, так как система гарантирует ее происхождение и соответствие стандартам. В целом, внедрение ЕГАИС в контексте реализации постановления № 1027 оказалось мощным инструментом в борьбе с незаконным оборотом алкоголя и повышении безопасности алкогольной продукции на рынке России [2].

Анализируя результаты работы Межрегиональных управлений Росалкогольрегулирования в разных федеральных округах, можно сделать выводы о значительном прогрессе в реализации мер, предусмотренных Постановлением Правительства РФ № 1027 от 28.09.2015 года, по пресечению незаконного производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Совместные контрольные мероприятия с правоохранительными органами показали эффективность в борьбе с нелегальным оборотом алко-

голя. Примером этого является операция в Северо-Кавказском федеральном округе, в результате которой было изъято и уничтожено значительное количество немаркированной алкогольной продукции.

В рамках федерального государственного контроля осуществлялись профилактические и контрольные мероприятия, включая наблюдения, выездные обследования, консультации субъектов алкогольного рынка и предупреждения о недопустимости нарушения обязательных требований. Эти действия способствовали укреплению законности в сфере оборота алкогольной продукции.

Важным аспектом работы управлений являлось также участие в межведомственных взаимодействиях, обучающих семинарах и публичных обсуждениях, направленных на обмен опытом и повышение эффективности контроля. Такие мероприятия, как вебинары и конференции, способствовали распространению знаний о законодательных изменениях и практиках противодействия незаконному обороту алкоголя [3].

Дополнительно, значительное внимание уделялось работе по администрированию доходов, включая выдачу федеральных специальных марок для маркировки алкогольной продукции и проведение оценок соответствия субъектов алкогольного рынка обязательным требованиям. Эти меры не только способствовали соблюдению законности в сфере оборота алкоголя, но и оказывали поддержку легальным производителям и дистрибьюторам.

Заключение нашей работы, посвященной реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2015 года № 1027, подтверждает, что активные меры по борьбе с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в России привели к заметным положительным результатам.

Внедрение системы ЕГАИС и ужесточение контроля за оборотом алкогольной продукции, а также усиление межведомственного сотрудничества и привлечение к ответственности за нарушения в этой сфере, показали свою эффективность в борьбе с нелегальным алкогольным рынком. Разнообразие принятых мер, включая контрольные и профилактические операции, консультации и обучающие мероприятия, оказали значительное

влияние на сокращение объемов нелегальной продукции и повышение общего уровня законности в данной области.

Результаты работы Межрегиональных управлений Росалкогольрегулирования свидетельствуют о важности комплексного подхода к решению проблемы незаконного алкогольного рынка. Эффективное применение законодательства, внедрение технологий контроля и активное взаимодействие всех заинтересованных сторон являются ключевыми факторами успеха в данной сфере.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на достигнутые успехи, борьба с незаконным производством и оборотом алкоголя остается актуальной и требует дальнейших усилий. Продолжение работы в данном направлении, улучшение существующих механизмов контроля и адаптация к новым вызовам помогут обеспечить дальнейшее снижение уровня нелегального оборота алкогольной продукции и повышение безопасности и благосостояния общества.

Список литературы

1. Васильев А. М. Незаконное производство или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и их влияние на физиологические процессы человека // Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья.— 2020. — С. 15–19.
2. Каменец О. А., Казакова Е. Г. Национальная система маркировки товаров «Честный знак»: концепция, задачи, проблемы и перспективы.— 2023.
3. Результаты работы Межрегионального управления Росалкогольрегулирования по Северо-Кавказскому федеральному округу в ноябре // [электронный ресурс] URL: <https://fsrar.gov.ru/special/news/view/id/4791> (дата обращения: 19.01.2024).
4. Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2015 г. N 1027 «О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (с изменениями и дополнениями) // [электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71207324/> (дата обращения: 19.01.2024).

УДК 343.2

Современные перспективы противодействия терроризму в Российской Федерации и мировом сообществе

Николашин Матвей Алексеевич

магистрант Российского государственного социального университета

***Аннотация:** В статье «современные перспективы противодействия информационному терроризму в Российской Федерации и мировом сообществе» автор рассматривает актуальные вызовы, связанные с информационным терроризмом, и предлагает перспективные подходы к их преодолению. Фокус статьи сосредотачивается на необходимости укрепления кибербезопасности, разработке эффективного законодательства, совместных усилий мирового сообщества и внедрении инновационных технологий. Особое внимание уделяется контексту России, выделяя потенциальные изменения в законах для более эффективной борьбы с киберугрозами. Статья анализирует меры, которые могут способствовать созданию устойчивой стратегии противодействия информационному терроризму в современном цифровом мире.*

***Abstract:** In the “Modern perspectives of countering information terrorism in the Russian Federation and the global community” article the author considers current challenges associated with information terrorism and offers promising approaches to overcoming them. The focus of the article centers on the need to strengthen cybersecurity, the development of effective legislation, joint efforts of the global community and the introduction of innovative technologies. Particular attention is paid to the Russian context, highlighting potential changes in laws to better combat cyber threats. The article analyzes measures that can help create a sustainable strategy to counter information terrorism in today’s digital world.*

***Ключевые слова:** киберугрозы, терроризм, уголовное право.*

***Keywords:** cyber threats, terrorism, criminal law.*

Информационный терроризм становится все более острой угрозой в современном мире, требуя комплексных мер для противодействия. В Российской Федерации и в мировом сообществе наблюдается рост угрозы, связанной с распространением фальшивой информации, кибератаками и дезинформацией.[1] В перспективе эффективного противодействия информационному терроризму в России важна не только укрепление кибер-

безопасности, но и разработка стратегии по выявлению и пресечению источников дезинформации. Мировое сообщество должно активизировать сотрудничество в обмене информацией и разработке единых стандартов борьбы с информационным терроризмом. Также важно обучение населения навыкам критического мышления, чтобы обеспечить лучшую защиту от манипуляций и фейков.[2] Развитие технологий и их использование для мониторинга и анализа информации также может сыграть ключевую роль в борьбе с информационным терроризмом.

Все эти меры в совокупности могут создать надежные перспективы для противодействия информационному терроризму как на уровне отдельных стран, так и в мировом масштабе.[3]

Для укрепления противодействия информационному терроризму в Российской Федерации и глобальном контексте также необходимо совершенствовать законодательство, направленное на ответственность за распространение вредоносной информации. Эффективные международные договоренности могут обеспечить согласованный подход к борьбе с угрозой информационного терроризма. На диаграмме показан ущерб от кибератак, в том числе особо опасных, которые можно классифицировать как «кибертерроризм».

Важным элементом стратегии является разработка и внедрение инновационных технологий для выявления и анализа сетей информационного тер-

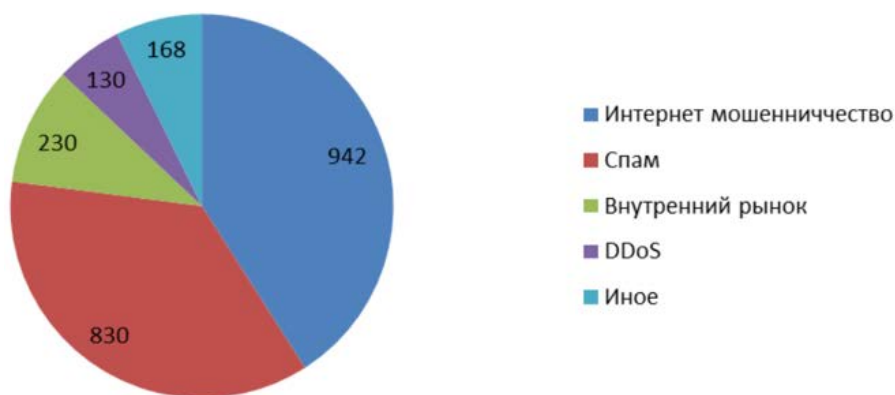

Рисунок 1. Ущерб от киберпреступлений в России (источник: «Ведомости»)

роризма.[4] Искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения могут эффективно выявлять паттерны дезинформации и подвергать анализу огромные объемы данных в реальном времени. Глобальный обмен опытом и информацией между странами также может способствовать разработке более эффективных стратегий противодействия.[5] Совместные усилия в борьбе с информационным терроризмом создадут прочный щит, способный защитить общество от влияния различных форм цифровой атаки. Таким образом, будущее противодействие информационному терроризму требует комплексного подхода, объединяющего технологические, юридические и образовательные меры как на национальном, так и на мировом уровне.

Важным направлением в борьбе с информационным терроризмом является также развитие международных соглашений по этике в цифровом пространстве.[6] Установление общепризнанных норм и принципов поведения в сети может способствовать снижению распространения враждебной информации и злоупотреблений цифровыми технологиями.

Поддержка и развитие образовательных программ по медиаграмотности и кибербезопасности также играют ключевую роль в создании информированного общества, способного критически оценивать получаемую информацию и защищаться от манипуляций. Эффективные меры должны включать в себя как формальное образование, так и обучение взрослых.

С учетом динамичного характера цифрового пространства, постоянное обновление стратегий и технологий является неотъемлемой частью успешного противодействия информационному терроризму. Только совместные усилия государств, международных организаций и частного сектора могут обеспечить эффективную защиту от новых угроз и вызовов в цифровой эпохе.

В контексте России, эффективное противодействие информационному терроризму требует усиленного внимания к укреплению кибербезопасности национальных систем.[7] Развитие инфраструктуры для обнаружения и предотвращения кибератак, а также совершенствование технологий анализа данных становятся ключевыми аспектами национальной стратегии.

Необходимо акцентировать внимание на разработке и внедрении законодательства, регулирующего использование информационных ресурсов.

[8] Строгие нормы ответственности за распространение дезинформации и кибератак должны служить отпугивающим механизмом, обеспечивая эффективное сдерживание потенциальных агрессоров.

Важным фактором является также сотрудничество между государственными структурами, частным сектором и образовательными учреждениями. Обмен опытом и информацией, а также обучение специалистов в сфере кибербезопасности, способны укрепить защитные механизмы и обеспечить более эффективное реагирование на угрозы информационного терроризма. Все эти меры в совокупности могут создать прочную основу для устойчивого противодействия информационному терроризму в Российской Федерации, обеспечивая безопасность в цифровой эпохе и сохранение информационного суверенитета страны.

Список литературы

1. Антимонов С. Общими усилиями противостоять компьютерному терроризму // Вестн. высш. школы.— 2000. — N 7. — С. 20–21.
2. Бажин С. А. Дезоптимизация управляющих решений в автоматизированных системах как способ информационного терроризма // Вопр. защиты информации.— 2008. — N 4. — С. 24–28.
3. Битов С. Реальный виртуальный террор // Человек и закон.— 2007. — N 2. — С. 42–48
4. В Москве обсудили проблемы киберпреступности // Защита информации. Инсайд.— 2006. — N 3. — С. 2.
5. Володин М. Убийцы за компьютерами. Информационную войну проигрывают один раз // Журналист.— 2001. — N 6. — С. 40–42.
6. Гликман И. Откуда берутся хакеры и что с ними делать? // Нар. образование.— 2005. — N 5. — С. 241–244.
7. Дзалиев М. И. Общество и насилие: от «традиционного» терроризма к информационному // Информ. ресурсы России.— 2002. — N 1/2. — С. 29–33
8. Еляков А. Д. Компьютерный терроризм // Мировая экономика и междунар. отношения.— 2008. — N 10. — С. 102–105.

УДК 343.2

Развитие криминологических аспектов борьбы с терроризмом в сети Интернет в Российской Федерации

Николашин Матвей Алексеевич

магистрант Российского государственного социального университета

***Аннотация:** В статье «Развитие криминологических аспектов борьбы с терроризмом в сети Интернет в Российской Федерации» автор исследует комплекс мер и стратегий, принимаемых Россией для противостояния кибертерроризму. Авторы подробно рассматривают идентификацию и анализ террористической активности, сотрудничество с интернет-платформами, законодательные и образовательные инициативы. В статье также выделены аспекты этики, совершенствования технологий и международного сотрудничества. Освещены темы межведомственного взаимодействия, создания центров кибербезопасности, инвестиций в исследования и обучение киберспециалистов. Обобщенный подход к решению проблемы кибертерроризма подчеркивает важность современных методов, сотрудничества с частным сектором и обучения правоохранительных органов.*

***Abstract:** In the article named “Development of criminological aspects of combating terrorism on the Internet in the Russian Federation” the author explores a set of measures and strategies taken by Russia to counter cyberterrorism. The authors the identification and analysis of terrorist activity, cooperation with Internet platforms, legislative and educational initiatives. The article also highlights aspects of ethics, technology improvement, and international cooperation. The topics of interagency cooperation, creation of cyber security centers, investment in research and training of cyber specialists are covered. A generalized approach to addressing cyberterrorism emphasizes the importance of modern techniques, collaboration with the private sector, and law enforcement training.*

***Ключевые слова:** киберугрозы, терроризм, уголовное право.*

***Keywords:** cyber threats, terrorism, criminal law.*

Современное информационное общество сталкивается с растущей угрозой терроризма в сети Интернет. Российская Федерация активно разрабатывает и совершенствует криминологические механизмы борьбы с этой проблемой, стремясь обеспечить безопасность онлайн-пространства.

В рамках развития криминологических аспектов борьбы с терроризмом в Интернете, важным шагом становится систематическая идентификация и анализ террористической активности. Правоохранительные органы разрабатывают специализированные методики, основанные на мониторинге социальных сетей, веб-форумов и других онлайн-ресурсов. [1] С целью эффективного противостояния террористической пропаганде и рекрутингу в Интернете, Российская Федерация активно взаимодействует с владельцами и администраторами популярных интернет-платформ. Совместные усилия направлены на выявление и блокировку контента, способствующего распространению экстремистских идей. В России внедряются законодательные меры, направленные на ужесточение наказаний за совершение кибертеррористических преступлений. [2] Это включает в себя ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ, а также за поддержку террористической деятельности в сети. Развитие криминологических аспектов борьбы с терроризмом в Интернете требует наличия высококвалифицированных специалистов. В России активно развиваются образовательные программы и тренинги по кибербезопасности для укрепления кадровой базы и повышения уровня подготовки специалистов в этой области. С учетом трансграничной природы интернет-угроз, Россия активно поддерживает международное сотрудничество. [3] Совместные усилия с другими странами и международными организациями направлены на обмен информацией и опытом в борьбе с терроризмом в сети Интернет.

Развитие криминологических аспектов борьбы с терроризмом в сети Интернет в Российской Федерации требует комплексного подхода, объединяющего технические, правовые и образовательные меры. [4] Страна активно работает над укреплением своей кибербезопасности, чтобы обеспечить стабильность и безопасность в онлайн-пространстве.

Одним из ключевых направлений в борьбе с терроризмом в Интернете является развитие передовых технологий для обнаружения и предотвращения кибертеррористических угроз. В России активно внедряются системы искусственного интеллекта и аналитики данных, способные автоматически выявлять подозрительное поведение в сети. С учетом важности роли граждан в предотвращении кибертеррористических угроз, Россия

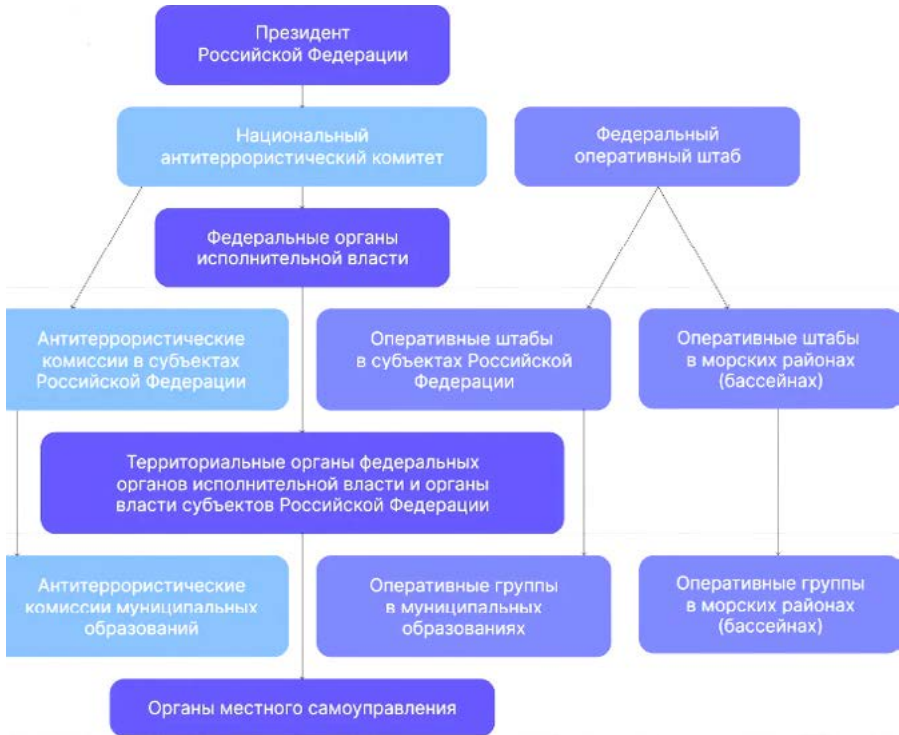

Рисунок 1. Межведомственное взаимодействие при борьбе с терроризмом.
(источник: «Национальный антитеррористический комитет»)

активно работает над повышением осведомленности общества о кибербезопасности. [5] Программы информирования и обучения направлены на то, чтобы каждый гражданин мог распознавать потенциальные угрозы и действовать в соответствии с правилами безопасности в сети. Развитие криминологических аспектов борьбы с терроризмом в Интернете требует постоянной адаптации к новым технологическим вызовам. Российская Федерация стремится поддерживать высокий уровень экспертизы в области кибербезопасности, регулярно обновляя техническую базу и методологии борьбы с онлайн-угрозами. [6]

Помимо технических и правовых аспектов, важным направлением развития криминологической борьбы с терроризмом в Интернете является

укрепление этических и законных норм. В России проводятся кампании по формированию этического поведения в сети и подчеркиванию необходимости соблюдения законов в онлайн-пространстве. [7] Динамичная природа кибертерроризма требует постоянного совершенствования стратегий и тактик борьбы. Российская Федерация активно участвует в обмене опытом с другими странами, анализирует инциденты и предлагает инновационные решения для эффективной противостояния онлайн-угрозам.

Совокупность этих подходов формирует комплексную систему развития криминологических аспектов борьбы с терроризмом в сети Интернет в Российской Федерации. Она направлена не только на реакцию на существующие угрозы, но и на предупреждение новых форм кибертерроризма, обеспечивая тем самым стабильность и безопасность в цифровом пространстве.

Для эффективной борьбы с кибертерроризмом в сети Интернет в Российской Федерации необходимо усилить межведомственное взаимодействие. Координация усилий между правоохранительными органами, спецслужбами и другими государственными инстанциями становится ключевым элементом в противодействии сложным киберугрозам. Для оперативного реагирования на киберугрозы важно развивать центры кибербезопасности. Такие структуры смогут обеспечивать непрерывный мониторинг киберпространства, реагировать на инциденты и разрабатывать стратегии по защите информации в режиме реального времени. Способность адаптироваться к постоянно меняющейся природе киберугроз требует значительных инвестиций в исследования и инновации. Развитие новых технологий, аналитических методов и программных решений позволит более эффективно противостоять террористическим действиям в онлайн-пространстве. Регулярное обучение сотрудников правоохранительных органов современным методам и тактикам борьбы с кибертерроризмом является критически важным элементом. Это включает в себя обучение детектированию новых видов угроз, использование специализированного программного обеспечения и современных методов киберанализа. Сотрудничество с частным сектором приобретает все большее значение в контексте борьбы с кибертерроризмом. Взаимодействие с технологическими компаниями и предприятиями помогает эффективно

противостоять новым угрозам, а также обеспечивает обмен информацией и опытом для более эффективной борьбы.

В целом, эти стратегии и меры демонстрируют глубокий и комплексный подход Российской Федерации к развитию криминологических аспектов борьбы с терроризмом в сети Интернет. Он направлен на обеспечение безопасности граждан и стабильности в цифровом пространстве, а также поддержание ведущей роли страны в глобальном киберпространстве.

Список литературы

1. Едрихин, В. Г. Геополитический вызов «Запада» российской молодежи — главная угроза безопасности России: моногр. / В. Г. Едрихин, А. Б. Петров. — М.: ПИК ВИНТИ, 2014.— 340 с.
2. Загородникова, С. Г. Наша безопасность в наших руках. Как действовать при угрозе террористического акта: моногр. / С. Г. Загородникова, С. В. Выприцкий. — М.: Типография ЦСИ, 2018.— 199 с.
3. Запечников, С. В. Информационная безопасность открытых систем. В 2-х томах. Том 1. Угрозы, уязвимости, атаки и подходы к защите. Гриф МО РФ / С. В. Запечников. — М.: Горячая линия — Телеком, 2018.— 146 с.
4. Информационная безопасность открытых систем. В 2 томах. Том 1. Угрозы, уязвимости, атаки и подходы к защите / С. В. Запечников и др. — Москва: Высшая школа, 2014.— 340 с.
5. Кора, Наталия Наркотизация как угроза психологической безопасности молодежи / Наталия Кора. — М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018.— 296 с.
6. Паршин, С. А. Кибервойны — реальная угроза национальной безопасности? / С. А. Паршин. — Москва: Наука, 2018.— 114 с.
7. Росенко, А. П. Внутренние угрозы безопасности конфиденциальной информации. Методология и теоретическое исследование: моногр. / А. П. Росенко. — Москва: Наука, 2018.— 201 с.

УДК 343.132.4

Процессуальное ограничение следователя при направлении хода расследования уголовного дела

Онопченко Антон Александрович

аспирант кафедры Процесса и криминалистики Института права
Волгоградского государственного университета

***Аннотация:** В настоящей статье рассматриваются обстоятельства процессуального ограничения производства следственных действий, производство которых необходимо органу предварительного следствия, однако производство таковых процессуально невозможно ввиду невозможности участия несовершеннолетнего потерпевшего, так как участия последнего в них может причинить вред психическому здоровью несовершеннолетнего потерпевшего согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы.*

***Abstract:** This article considers the circumstances of procedural restriction of performing investigative actions, which are necessary for the body of preliminary investigation, but the performance of which is procedurally impossible due to the impossibility of participation of the minor victim, as the participation of the latter in them may cause harm to the mental health of the minor victim according to the conclusion of a forensic psychiatric examination.*

***Ключевые слова:** процессуальное ограничение следователя, несовершеннолетний потерпевший, значение заключения судебно-психиатрической экспертизы для производства следственных действий.*

***Keywords:** procedural limitation of the investigator, minor victim, the significance of the conclusion of a forensic psychiatric examination for investigative actions.*

Традиционно к ограничению полномочий следователя, как участника уголовно-процессуальных отношения подходят с точки зрения ограничений налагаемых процессуальными полномочиями иных участников процесса, таких как руководитель следственного органа, прокурор или судья[3]. Однако рассмотрение вопроса об ограничении полномочий следователя, возможно, рассмотреть и с другой стороны.

При расследовании уголовного дела следователь, согласно положениям ст. 38 УПК РФ уполномочен самостоятельно направлять ход расследо-

вания уголовного дела [5]. Зачастую, при расследовании насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних, такая самостоятельность следователя может быть значительно ограничена заключением, например, судебно-психиатрической экспертизы.

При производстве предварительного следствия по категории следующих преступлений — ч. 4 ст. 131, ч. 4 ст. 132 УК РФ в обязательном порядке производятся судебно-психиатрические экспертизы, в том числе и в отношении несовершеннолетних потерпевших, с целью разрешения вопроса не только о вменяемости лица, а также с целью выяснения возможности дальнейшего участия потерпевшего в следственных действиях [1].

В случае, если привлекаемое к уголовной ответственности лицо в ходе предварительного следствия отказывается от дачи показаний, реализовывая положения ст. 51 Конституции РФ, а после ознакомления с заключением судебно-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего в котором содержатся заключения эксперта, свидетельствующие о невозможности участия несовершеннолетнего потерпевшего в дальнейших следственных действиях, начинает давать показания противоположные или заведомо противоречащие показаниям, то у органа предварительного следствия, в лице следователя возникает очевидная процессуальная необходимость в устранении вышеуказанных противоречий [2].

В вышеуказанной ситуации у следователя, несмотря на имеющиеся полномочия закрепленные положениями уголовно-процессуального закона, фактическая возможность устранения вышеуказанных противоречий отсутствует по следующим основаниям, а именно несовершеннолетний потерпевший не может принимать дальнейшего участия в следственных действиях согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, а иной процессуальной возможности для устранения разногласий в показаниях по одним и тем же обстоятельствам за исключением, как проведения следственного действия, такого как очная ставка [4] у следователя нет.

Вышеуказанные обстоятельства являются примером процессуального ограничения полномочий следователя при направлении хода расследования уголовного дела.

Следует обратить внимание, что при данных обстоятельствах ограничение полномочий следователя связано не с обстоятельствами ведомствен-

ного контроля или прокурорского надзора, как традиционно это принято связываться, а с заключением эксперта и состоянием психического здоровья лица.

Следовательно, при очевидной необходимости производства следственного действия в виде очной ставки и наличия полномочий, реализация их становится невозможной, что в свою очередь, по моему мнению, является процессуальным ограничением полномочий следователя, которые не связаны с наличием надзорных, контрольных функций других участников уголовного судопроизводства.

Вышеуказанный пример указывает на конкретные обстоятельства, возникающие при расследовании уголовного дела, которые влекут ограничения в отношении полномочий следователя в российском процессуальном праве. Помимо этого, если рассматривать описанную ситуацию детальнее, то фактически у следователя ограничиваются все процессуальные полномочия в отношении несовершеннолетнего потерпевшего в части производства следственных действий, например, таких как: дополнительный допрос, проверка показаний на месте, осмотр места происшествия с участием вышеуказанной категории потерпевших, если же они конечно не были проведены до получения следователем заключения судебно-психиатрической экспертизы, отвечающей на вопросы относительно возможности участия потерпевшего в следственных действиях.

При таких обстоятельствах с целью предотвращения вышеуказанных процессуальных ограничений полномочий следователя, возможно следует прибегать к выполнению производства вышеуказанных следствий действий сразу после возбуждения уголовного дела кратчайшие сроки и до назначения судебно-психиатрической экспертизы. Осуществление следственных действий в кратчайшие сроки на начальной стадии расследования уголовного дела позволит не только закрепить доказательную базу, но еще и минимизировать негативные последствия в психологическом плане для несовершеннолетнего потерпевшего. Для следователя же производство следственных действий сразу после возбуждения такого дела даст процессуальную возможность производства таких следственных действий, нежели чем после производства судебной-психиатрической экспертизы с вышеуказанным результатом.

Вышеуказанный пример с ограничением процессуальных полномочий следователя при производстве следственных действий в рамках расследования уголовного дела является практическим, который неоднократно встречается при расследовании уголовных дел насильственной категории в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, приведенная ситуация в настоящей статье является примером процессуального ограничения полномочий следователя при производстве следственных действий, где ограничение полномочий следователя не связано с наличием у иных участников уголовного судопроизводства более широких процессуальных полномочий.

Список литературы

1. Порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы (утв. приказом Министерства здравоохранения РФ от 12 января 2017 г. N 3н).
2. Процессуальные особенности допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего свидетеля (потерпевшего). Комментарий к ст. 191 УПК РФ.
3. Реквием по процессуальной самостоятельности следователя (С. Б. Росинский, журнал «Философия права», N 3 (102), июль-сентябрь 2022 г.).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий (коллектив авторов; под общ. и науч. ред. д.ю.н., проф. А. В. Гриненко). — Москва: «Проспект», 2021.— 1288 с. Комментарий к ст. 191.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N174-ФЗ.

УДК 343.132.4

Заключение эксперта как функциональное ограничение полномочий следователя

Онопченко Антон Александрович

аспирант кафедры Процесса и криминалистики Института права
Волгоградского государственного университета

***Аннотация:** В настоящей статье рассматривается заключение эксперта в качестве обстоятельства функционального ограничения полномочий следователя, как участника уголовно-процессуальных отношений. Рассмотрены конкретные примеры исключающие возможность реализации следователем своих полномочий при расследовании уголовного дела и установлению обстоятельств подлежащих доказыванию.*

***Abstract:** The present article considers the conclusion of the expert as a circumstance of functional limitation of powers of the investigator as a participant of criminal procedural relations. Specific examples excluding the possibility of realization by the investigator of his powers in the investigation of a criminal case and the establishment of circumstances to be proved are considered.*

***Ключевые слова:** функциональное ограничение следователя, заключение эксперта, невозможность производства следственных действий, предварительное следствие.*

***Keywords:** functional limitation of the investigator, expert opinion, impossibility of carrying out investigative actions, preliminary investigation.*

Под функциональными полномочиями следователя, возможно, следует понимать его процессуальные возможности, направленные на установление обстоятельств произошедшего преступления, и деятельность по привлечению виновного лица в совершении такого к уголовной ответственности.

При расследовании уголовного дела, следователь уполномочен допрашивать лиц которым известны обстоятельства устанавливаемого события, лиц в отношении которых совершено преступление и которыми совершено таковое преступление.

В зависимости от категории совершенного преступления следователем при производстве предварительного следствия используется определенная методика расследования преступлений[4]. При расследовании преступле-

ний террористической направленности, насильственных преступлений сексуального характера, в сфере незаконного оборота наркотиков обязательно проведение одной или более судебных-психиатрических экспертиз с целью установления обстоятельств произошедших событий и психического здоровья лица на момент совершения преступления[3].

Помимо этого, как правило, на разрешение эксперта по данной категории дел ставится вопрос о возможности участия лица в следственных действиях.

В случае, если согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы лицо не может принимать участие в следственных действиях в силу своего психического состояния здоровья, то следователь лишается возможности осуществления своих функциональных полномочий в расследования настоящего уголовного дела, применительно к лицу в отношении которого дано заключение эксперта о невозможности участия в следственных действиях.

При таких обстоятельствах, следовать, как участник уголовно-процессуальных правоотношений лишен возможности осуществления своих полномочий в части проведения следственных действий в отношении конкретного лица — допроса, очной ставки и прочих. Таким образом, заключение эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы исключает возможность реализации следователем своих полномочий в отношении соответствующего участника уголовно-процессуальных отношений.

Однако важно обратить внимание на тот факт, что невозможность реализации предписанных уголовно-процессуальных полномочий следователю [5] наступает только с того момента, как в адрес органа предварительного следствия поступает соответствующее заключение, свидетельствующие о том, что производство дальнейших следственных действий с подэкспертным лицом невозможно. До момента получения такого заключения органом предварительного следствия у следователя имеются законные основания для производства вышеуказанных следственных действий[1].

В вышеописанной ситуации заключение эксперта фактически ограничивает функциональные полномочия следователя при производстве предварительного следствия, при этом важно понимать период начала (наступления) функционального ограничения полномочий — с момента поступления советующего заключения эксперта.

Последствия функционального ограничения полномочий следователя заключением эксперта в рамках расследования уголовного дела носят и процессуальный характер [2] в следующей части.

Так, например, при производстве следственных действий (допрос, очная ставка, проверка показания на месте) с лицом в отношении которого в распоряжении органа предварительного следствия уже имеется заключение эксперта с выводами о невозможности участия в следственных действиях данного лица по основаниям психического здоровья, то протоколы таких следственных действий и сведения отраженные в них не будут иметь доказательственного значения.

Вышеуказанный пример демонстрирует, как заключение эксперта, являясь самостоятельным доказательством по уголовному делу способно наложить функциональные ограничения на полномочия следователя при производстве предварительного следствия.

Стоит отметить, что подобное функциональное ограничение одновременно выступает неким гарантом принципа допустимости доказательств, являясь процессуальным фильтром, который ограничивая полномочия следователя по вышеуказанным обстоятельствам, лишает возможности последнего собирать недопустимые доказательства (напр. показания лица с психическими отклонениями).

Анализируя вышеизложенное следует, что заключение эксперта (рассмотрено на примере заключения эксперта по судебно-психиатрической экспертизе), являясь самостоятельным доказательством, дает экспертную оценку психического состояния лица, с разрешением вопроса о возможности участия в следственных действиях, а в случае отсутствия таковой возможности, функционально ограничивает полномочия следователя в части возможности проведения следственных действий с участием участника уголовно-процессуальных отношений (подэкспертного), чем способствует возможности установления истины по обстоятельствам уголовного дела, исключения возможности использования недопустимых доказательств.

Можно сделать вывод о том, что именно заключение судебно-психиатрической экспертизы с разрешением вопроса о возможности принятия лицом участия в дальнейших следствиях действиях, в заключении кото-

рой дан отрицательный пример является ярким примером, указывающим на функциональное ограничение полномочий следователя с невозможностью нарушения таковых, так как имеют процессуальные последствия описанные выше — в части признания доказательств недопустимыми.

Список литературы

1. Давыдов В.А., Дорошков В.В., Зеленин С.Р., Кондратов П.Е., Степанин В.П., Хомицкая Т.П., Червоткин А.С., Шалумов М. С. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие (в двух частях, часть первая; под ред. д.ю.н., проф. В. М. Лебедева; 8-е изд., перераб. и доп.).— «Издательство Юрайт», 2019 г.
2. Наследие М. С. Строговича и современные проблемы функционально-правового построения уголовного досудебного производства (Ю. В. Деришев, журнал «Сибирское юридическое обозрение», № 4, октябрь-декабрь 2020 г.).
3. Порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы (утв. приказом Министерства здравоохранения РФ от 12 января 2017 г. № 3н).
4. Топорков А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений: учебник.— «Юстиция», 2018 г.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ.

УДК 347.77

Общеизвестный товарный знак: основные проблемы регистрации и использования в эпоху информатизации

Лемяцких Екатерина Олеговна

студентка магистратуры Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

***Аннотация:** Статья посвящена теме регистрации общеизвестного товарного знака. Автор рассматривает регистрационные системы в контексте международного опыта в сравнении с российской моделью, а также актуальную для российского права проблему такого критерия общеизвестности обозначения как известность заявителя.*

***Abstract:** The article is devoted to the topic of registration of a well-known trademark. The author considers registration systems in the context of international experience in comparison with the Russian model, as well as the problem of such a criterion of well-known designation as the fame of the applicant, which is relevant for Russian law.*

***Ключевые слова:** общеизвестный товарный знак, размытие, социологический опрос, информатизация.*

***Keywords:** well-known trademark, blurring, sociological survey, informatisation.*

В современном мире общеизвестные товарные знаки представляют особую ценность, так как их охрана может распространяться, в том числе, и на неоднородные товары и услуги. При этом известность подобных обозначений может помочь правообладателям уберечь свой бренд от размытия и копирования даже за пределами собственной страны на счет известности своего обозначения. Эта проблема особо актуальна в связи с развитием Интернета и интеграцией различных экономик друг в друга. Однако в различных юрисдикциях по-разному относятся к определению товарного знака «общеизвестным».

В мировом масштабе можно выделить две основные модели признания товарного знака общеизвестным по критерию компетентного органа, который признает общеизвестный товарный знак таковым:

1. Монистическая система

Когда признание товарного знака общеизвестным **входит в компетенцию только федерального органа исполнительной власти через досудебный порядок**. Примерами могут служить, в большинстве своем, страны Востока. Так, например, было в Китае до 2003 года. В прошлом специальное ведомство (ТМВ) создало большое количество записей известных знаков. [6] Аналогичная процедура признания товарного знака общеизвестным существует сейчас и в Казахстане, где уполномоченный орган по признанию товарного знака общеизвестным (Министерство юстиции Республики Казахстан), рассмотрев доказательства принимает решение о признании или непризнании. [8] Аналогичный же орган существует в Турции (Турецкий патентный институт (ТПИ)), куда, согласно Закону «О промышленной собственности» № 6769 правообладатель товарного знака может бесплатно подать заявку на признание товарного знака общеизвестным.

Признание товарного знака общеизвестным **входит в компетенцию суда**. Так, во Франции [7], Германии [1], Канаде, Великобритании и США (Северная Америка) определение общеизвестности знака — прерогатива судов. Например, раздел 56 Закона о товарных знаках Великобритании 1994 г. дает владельцу бренда возможность в судебном порядке наложить запрет на использование спорного товарного знака (при этом, следуя всем правилам Парижской конвенции, обозначению не обязательно быть зарегистрированным). Примеры самых известных подобных дел: *Hotel Cipriani Srl v Cipriani (Grosvenor Street) Limited* ([2008] EWHC 3032, *McDonald's Corp. v Joburgers Drive-Inn Restaurant (SA 1996)*, *L'Oreal S.A. v Marcon* (ТТАВ 2012).

2. Дуалистическая система

Дуалистическая система существует на данный момент в различных странах мира, и не свойственна какому-либо одному определенному правопорядку — это Индия, Китай (после 2003), Украина и иные страны. Ее особенностью можно назвать то, что чаще всего она вырастает из монополистической модели в процессе реформ. Изначально в Индии существовал только судебный порядок признания товарного знака общеизвестным — то есть, возможность признания обозначения таковым при инициировании реального спора о праве. После вступления в силу нового закона «Правила о товарных знаках» (*The Trademark Rules*) в 2017 году у правообладателя

появился новый путь признания товарного знака — через административный орган, путем подачи соответствующей заявки.

В Китае же, наоборот, товарный знак ранее мог получить статус общеизвестного только путем подачи заявки в соответствующее ведомство, не входившее в судебную систему. Однако на данный момент существует три органа, имеющие право признать товарный знак общеизвестным. Это: (1) Отдел экспертизы товарных знаков CNIPA (бывшее ведомство по товарным знакам SAIC) (2) Отдел проверки товарных знаков CNIPA (бывший Совет по рассмотрению и пересмотру товарных знаков SAIC) (3) Определенного уровня народные суды, уполномоченные Верховным народным судом КНР. [9] Первые два — административные органы, а третьи — относятся к судебной системе. Однако последствие признания обозначения административными и судебными органами не совсем однородно и преследует разные цели.

Похожая система и в Украине. Органами, имеющими полномочие на признание обозначения общеизвестным являются: (1) Апелляционная палата Министерства развития экономики, торговли и сельского хозяйства (2) Судебный орган в ходе искового производства (наиболее редко используемый, но все же существующий способ).

Нельзя назвать какую-либо из названных моделей более эффективной, чем другую. Это зависит не только от самой процедуры, но и от правовой системы в целом. Однако, регистрационная модель в реестре общеизвестных товарных знаков административным органом зачастую сталкивается с большей критикой, чем иные.

Важное положение содержится в статье 6 bis Парижской конвенции. Данное положение имеет за собой цель защитить известные знаки, признанные таковыми в одной из юрисдикций — закрепляя принцип экстерриториальности общеизвестных товарных знаков. Оно означает, что общеизвестность конкретного обозначения — это не вопрос регистрации в определенной стране, а **фактическая известность товарного знака**.

Таким образом, требования обязательной регистрации товарного знака в некоторой мере противоречит международному законодательству.

В России, согласно ст. 1508 ГК РФ, регистрационная (монотеистическая) система признания товарного знака общеизвестным — «по решению федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной соб-

ственности **могут быть** признаны общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком». В данном определении нет слов «только по решению ФОИВ по интеллектуальной собственности».

При вступлении в ВТО Россия в официальном докладе рабочей группы [10] от ноября 2011 года указала на то, что «ГК РФ не содержит каких-либо норм, которые устанавливают связи между предоставлением правовой охраны товарному знаку, который считается общеизвестным, и его включением в перечень».

Иными словами, перечень общеизвестных товарных знаков по существу есть лишь это фактов, который не носит ни правопорождающий, ни исчерпывающий характер. [2]

Эта же позиция была подтверждена определением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.09.2019 N 2145-О.

Таким образом, мы видим, что при толковании статьи 6 bis можно сделать однозначный вывод — регистрация общеизвестного знака и придание знаку такого статуса — вопрос факта. Регистрация должна лишь «упрощать» судебный процесс.

На деле же все иначе. Действительно, в России есть некая категория «широко известных» обозначений. Они обладают признаками общеизвестных товарных знаков, но не зарегистрированы в качестве таковых — и на практике у них нет всех преимуществ зарегистрированных в качестве общеизвестных знаков. Этот термин иногда используется в судебной практике — дело № СИП-644/2018 «Monster Energy», № СИП-1010/2014 «Zegna». Одно из первых упоминаний этой конструкции мы можем видеть в деле об обозначении Vacheron Constantin [11] истца, и сходном товарном знаке ответчика. Ответчик зарегистрировал сходный знак не на однородные товары и все нижестоящие инстанции отказали истцу, однако ВАС отменил их решения признав регистрацию противоправной в связи с ее направленностью на получение необоснованного преимущества за счет использования сложившейся деловой репутации широко известного знака и созданием угрозы введения потребителя в заблуждение. Несмотря на практику, в законодательстве подобного термина встретить нельзя, и представляется, что *de lege lata* термин «общеизвестный» относится только к обозначениям, признанными таковыми Роспатентом. [3]

Означает ли это, что нам следует полностью отказаться от регистрационной системы в пользу суда, как органа, компетентного признавать товарные знаки общеизвестными? На наш взгляд — нет. Признание товарного знака только судебным органом создаст необходимость распространения решения суда на третьи лица. При отсутствии такого распространения у ранее зарегистрированных товарных знаков будет преимущество перед теми, которые будут признаны таковыми судом. Более того, при подобном подходе иным производителям будет сложнее определить, будет ли их обозначение нарушать права правообладателей общеизвестных знаков, так как единого реестра не будет. Кроме этого, в России такая система усложнится за счет размеров территории государства. Признание товарного знака общеизвестным при судебном споре на Дальнем Востоке не всегда будет означать при этом нарушение на территории Москвы.

Таким образом, на наш взгляд, наиболее приемлемой системой для российского правопорядка будет являться **частичная дуалистическая модель** признания товарного знака общеизвестным. Видится возможным предоставить российским судам (наряду с Роспатентом) права признавать товарные знаки общеизвестными, что позволит правообладателям защищать свои права в судебном порядке без предварительного обращения в Роспатент. [4] То есть, предоставить правовую охрану общеизвестному товарному знаку, по заявлению заинтересованной стороны, на основании решения суда по спору о праве (например, о нарушении исключительного права на товарный знак, или же об оспаривании решения Роспатента о регистрации). При этом, необходимо будет придерживаться **принципа индивидуального признания** — чтобы такое решение Суда имело силу только для сторон спора, не приводя к правовой неопределенности. Данное решение упростит и ускорит саму процедуру, и будет соответствовать международному регулированию. При желании стороны, такое решение можно будет использовать в качестве одного из доказательств общеизвестности товарного знака в административном органе (Роспатенте).

Если же говорить о признаках, на основании которых компетентный орган должен вынести решение о признании или непризнании знака общеизвестным, то Совместная резолюция ВОИС выработала некоторые рекомендации [12]:

1. Известность товарного знака;
2. Длительность и количество использования товарного знака;
3. Длительность и количество различных действий, например, рекламы товарного знака, выставки товаров с товарным знаком на выставках и т.д.
4. Ценность, присущая этому знаку.

Схожие критерии общеизвестности также указаны в ФЗ «О противодействии ослаблению товарных знаков» [13] США 1996г, а также с критериями, указанными в Приказе Минэкономразвития России от 27.08.2015 № 602.

Однако, с определением обязательных доказательств в российском правопорядке на практике существует ряд проблем, одна из которых — критерий отождествления товарного знака именно с его заявителем. Если изучить реестр общеизвестных товарных знаков, и путь их признания таковыми, то можно заметить, что практически ни одно обозначение не признавалось известным сразу же в Роспатенте (исключениями, из найденных

многих, могут являться товарные знаки под номером 133 и «КАЛАШНИКОВ» под номером 178, но это скорее исключения из правила). Одним из основных препятствий для заявителей стала необходимость доказать, что потребитель знает самого производителя, что на деле оказывается не так просто. Роспатент в своих решениях трактует п. 1 статьи 1508 ГК РФ как широкую известность именно в отношении заявителя. Этот тезис звучит во многих решениях Роспатента, хотя в ст. 1508 ГК РФ говорится об известности среди потребителей товаров заявителя, а не его самого.

Становление этой проблемы связано с тем, что еще до вступления в силу IV части ГК РФ, толкование ст. 6 bis Парижской конвенции среди специалистов Роспатента сводилось к тому, что поскольку общеизвестный знак — это «знак лица», значит лицо, владеющее общеизвестным товарным знаком, должно быть известно среди потребителей продукции, которая данным товарным знаком маркируется. [5] В связи с этим первые заявители, следуя данной концепции, стали включать в социологические опросы пункты о знании конкретного заявителя. В начале это не создавало проблем, так как первые заявители имели сходные фирменные наименования с регистрируемым товарным знаком, и потребитель без труда мог определить конкретный

источник товаров (АО «Газета Известие» — товарный знак «ИЗВЕСТИЕ», The Coca-Cola Company — товарный знак Coca-Cola, Уралмаш и ОАО «Уральский завод тяжелого машиностроения», «ГАРАНТ» — ООО «Гарант-Сервис», «Лукойл» — ОАО «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»).

Проблемы начались с увеличением количества заявок на признание знака общеизвестным — товарный знак стал далеко не всегда совпадать с фирменным наименованием. Чаще всего с этим стали сталкиваться иностранные компании, которые испрашивали охрану общеизвестного товарного знака на территории России, действуя при этом на ее территории через аффилированное лицо. Фирменное наименование правообладателя или же аффилированного лица (лицензиата, дочерней компании и иных) могло отличаться от самого товарного знака. Или же, крупная компания могла выделять из своей структуры компанию, аккумулирующую интеллектуальные активы общества, но которая не ведет при этом производственную деятельность — для таких компаний правообладатель товарного знака совершенно не равно производитель товаров.

Чтобы определить производителя товаров и правообладателя товарного знака, при таком подходе потребителю необходимо хотя бы примерно знать корпоративную структуру компании, следить за ее изменениями. Представить себе такого потребителя (даже среди специалистов) — достаточно трудно. Очевидно, что такой подход не соответствует буквальному толкованию ни ст. 1508 ГК РФ, ни международным актам. Но с недавнего времени (2019 г.) СИП начал активнее оспаривать решения Роспатента, что несомненно является положительным явлением.

Одним из первых зарегистрированных общеизвестных товарных знаков, который смог преодолеть эту проблему — обозначение

. Это было одним из первых дел (№ СИП-552/2014), в котором суд сделал вывод о необходимости указания потребителем на единый источник происхождения товара (концепция, указанная в АІРРІ), а не на конкретного производителя.

Роспатент выработал свою позицию, и не собирается отступать от нее, игнорируя все аргументы заявителей и противореча своим же рекомендациям. Суд по интеллектуальным правам раз за разом приводит одни и те же

доводы, говоря о том, что общеизвестность товарного знака определяется не в отношении конкретного лица, вводящего товар в гражданский оборот и доведение его до потребителя, а в отношении самого товара. От потребителя требуется лишь чтобы он понимал, что у товаров есть единый источник.

Интересно то, что даже когда заявителю «везет» и фирменное наименование совпадает с заявленным товарным знаком, Роспатент может заявить о том, что «выбор ответа респондентами обусловлен не реальным знанием потребителей данной организации, а совпадением словесного элемента заявленного обозначения с предполагаемым вариантом ответа. При таких обстоятельствах любая из организаций, содержащих в составе фирменного наименования совпадающий элемент, может рассматриваться в качестве выбранного варианта». Такой вывод сделал административный орган при отказе в регистрации в качестве общеизвестного обозначения «От Мартина» (Постановление от 4 июня 2020 г. по делу № СИП-458/2019).

Данный подход, применимый Судом по интеллектуальным правам, видится справедливым, и радуется, что реестр, скорее всего, будет пополняться общеизвестными знаками чаще. Однако Роспатент не замечает явной ошибки в своих рассуждениях, упорно продолжая давать отказ в регистрации. Поэтому даже СИП при этом не решает проблемы до конца, ведь заявителям приходится проходить «двойной путь» регистрации, сначала через Роспатент, а потом через СИП, что усложняет процедуру, удлинит ее сроки и делает ее более дорогой, а также препятствует деятельности крупных игроков на рынке и усложнению бизнеса.

Таким образом, видится правильным отказаться от использования в социологическом опросе формулировку вопроса: «знаете ли Вы, какой компании принадлежит данное обозначение, и кто изготавливает товары под этим обозначением?», так как знание потребителем правообладателя и изготовителя является незначительным и излишним для доказательства общеизвестности, что подтверждается как международными рекомендациями, так и практикой Суда по интеллектуальным правам. Наиболее подходящим для целей опроса будет формулировка следующего характера: **«Знаете ли вы, какая компания является источником происхождения данного товара?»**. В вариантах опроса следует указывать как правообладателя, так и аффилированных лиц (дистрибьютеров, дочерних компаний), и иные

компании. Сумма проголосовавших за аффилированную компанию и за правообладателя должна суммироваться, и считаться единым источником происхождения. Это видится справедливым, потому что по сути аффилированные компании связаны с основной компанией и представляют собой общий источник происхождения товара, на что ни раз указывал в своих решениях СИП (дело № 1099/2019 — «Таковым (*источником происхождения товаров*) может считаться группа аффилированные лиц, в которую входит как заявитель, так и его лицензиаты; дело № СИП-186/2019 — «обозначение становится широко известным в результате его использования заявителем или конкретными связанными с ним лицами»). Либо же, указывать определенные товары в соц. опросе, и просить потребителя определить, какие из них относятся к единому источнику происхождения. Однако такой вариант более длителен и неприятен для респондента, а значит повышается шанс недумчивых ответов, что всегда негативно сказывается на результатах опроса.

Список литературы

1. Зайцева Е. А. Правовая охрана общеизвестных товарных знаков.: дис. канд. юрид. наук. М., 1998.
2. Шефас П. А. Общеизвестные товарные знаки в российском праве: преодоление принципов специализации и территориальности // Журнал суда по интеллектуальным правам.— № 27. — март 2020.
3. Ворожевич А. С. Защита брендов. Стратегии, системы, методы. Учебное пособие для магистров: издательство Проспект.— 2020.
4. Рогачева Е. С. Право на товарный знак по законодательству России и Франции: автореф. дис. канд. юрид. наук.— 2004.
5. Ариевич Е. А., Гришанова Г. И. Общеизвестный знак — общеизвестный заявитель? // Журнал Суда по интеллектуальным правам.— № 26. — декабрь 2019. — с. 90–99
6. Cahan Alisa. China's Protection of Famous and Well-known Marks: The Impact of China's Latest Trademark Law Reform on Infringement and Remedies. *Cardozo Journal of International and Comparative Law*, vol. 12, no. 1, Summer 2004, p. 219–250. HeinOnline.

7. Lionel Bentley Intellectual property law. Oxford, 2001.
8. Приложение № 6 к приказу Министерства Юстиции РК от 23 апреля 2010 г. № 136 «Правила признания товарного знака общеизвестным»
9. Закон КНР «О товарных знаках» в ред. 2013 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_trademark_law_revised_2013.
10. Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации// Report of the working party on the accession of the Russian Federation to the World Trade Organization WT/ACC/RUS/70 WT/MIN(11)/2, 17 November 2011.
11. Постановлении Президиума ВАС РФ № 16912/11 от 24 апреля 2012.
12. Совместная рекомендация о положениях в отношении охраны общеизвестных знаков (принята Ассамблеей Парижского союза по охране промышленной собственности и Генеральной ассамблеей Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) на тридцать четвертой серии заседаний Ассамблей государств — членов ВОИС 20–29 сентября 1999 г.)
13. Federal Trademark Dilution Act of 1995 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ98/html/PLAW-104publ98.htm>.

УДК 34

История создания, структура и состав государственных информационных систем Российской Федерации

Тлежуков Мухамед Хазритович

*магистрант кафедры Компьютерного права и информационной безопасности
Высшей школы государственного аудита Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова*

Аннотация: В статье рассматривается интересная и актуальная тема, связанная с историей создания и развитием, а также структурой и составом государственных информационных систем Российской Федерации. Автор особо подчеркивает, что история создания информационных систем в Российской Федерации обладает

достаточно многогранным процессом, поскольку она напрямую связана с различными историческими и политическими событиями, а также технологическим развитием в стране. В статье особое внимание уделяется рассмотрению программы «Электронная Россия», которая направлена на обеспечение надежной правовой, технической и организационной инфраструктуры, способствующей развитию информационного общества в России, начиная с 2002 года. В завершении, в статье исследуется структура государственных информационных систем в России, которая обладает сложной, но при этом тщательно разработанной архитектурой, целью которой является удовлетворение разнообразных административных потребностей страны. Автор приходит к выводу о том, что по мере дальнейшего развития технологий, государственная информационная система в России готова развиваться, тем самым устанавливая новые ориентиры в цифровом управлении и предоставлении государственных услуг.

Abstract: *The article deals with an interesting and relevant topic related to the history of creation and development, as well as the structure and composition of state information systems of the Russian Federation. The author emphasizes that the history of creation of information systems in the Russian Federation has a rather multifaceted process, as it is directly related to various historical and political events, as well as technological development in the country. The article pays special attention to the consideration of the “Electronic Russia” program, which is aimed at providing a reliable legal, technical and organizational infrastructure that promotes the development of information society in Russia since 2002. Finally, the article examines the structure of government information systems in Russia, which has a complex yet carefully designed architecture that aims to meet the country’s diverse administrative needs. The author concludes that as technology continues to advance, the state information system in Russia is poised to evolve, thereby setting new benchmarks in digital governance and public service delivery.*

Ключевые слова: *государственные информационные системы, ГИС, Россия, структура, состав, государственные услуги.*

Keywords: *state information systems, GIS, Russia, structure, composition, state services.*

Эволюция государственных информационных систем в России представляет собой многогранный процесс, отражающий исторические, политические и технологические сдвиги в стране. Это повествование начинается в позднесоветскую эпоху, когда изначально закладывались основы цифрового управления в России.

В 1980-х годах Советский Союз приступил к реализации амбициозного проекта по разработке комплексных государственных информаци-

онных систем. Эта инициатива была продиктована явной потребностью повысить эффективность административных процессов и надзор за ними. С этой целью советское правительство создало автоматизированные центры обработки данных, которые были стратегически спроектированы для удовлетворения конкретных потребностей правительственных учреждений и военных операций. Эти центры были созданы под непосредственным руководством Государственного комитета по компьютерным технологиям и информатике, правительственного органа, занимающегося надзором за развитием компьютерных технологий и обработкой информации внутри стран [1].

Основное внимание в этих центрах обработки данных уделялось систематическому сбору и централизованной обработке данных. Этот подход глубоко укоренился в принципах советской плановой экономики, которая подчеркивала централизованный контроль над экономической и административной деятельностью. Центры обработки данных были оснащены технологией того времени, которая, будучи примитивной по современным стандартам, представляла собой значительный шаг вперед в усилиях Советского Союза по интеграции компьютерных технологий в свою административную и военную инфраструктуру. Это включало использование больших мэйнфреймовых компьютеров, которые были способны обрабатывать значительные объемы данных, хотя и с ограничениями в плане скорости обработки и емкости хранилища по сравнению с современными системами.

Данные, обрабатываемые в этих центрах, охватывали широкий спектр административной и военной информации. Сюда входили, но не ограничивались ими, экономические данные, демографическая статистика, информация о распределении ресурсов и военная логистика. Централизованный характер этих центров обработки данных обеспечивал более скоординированный подход к управлению информацией, который Советский Союз считал необходимым для поддержания контроля над своими обширными и разнообразными территориями [2].

В 1991 году, после распада Советского Союза, Российская Федерация стала государством-правопреемником, унаследовав зарождающуюся цифровую инфраструктуру, в основном созданную в предыдущие десятилетия. Эта цифровая инфраструктура, хотя и рудиментарная по мировым

стандартам того времени, сформировала фундаментальную основу для растущего российского рынка информационных технологий.

1990-е годы в России были временем глубоких преобразований, ознаменовавшихся масштабными экономическими реформами под руководством политики, направленной на переход от централизованно планируемой экономики к рыночной системе. Эта эпоха также стала свидетелем создания и эволюции новых политических структур, отражающих значительный отход от предыдущей советской модели управления.

В течение этого критического десятилетия произошли значительные изменения в развитии государственных информационных систем в России. Одним из наиболее заметных сдвигов стала децентрализация контроля над этими системами. При советском режиме информационные и телекоммуникационные системы были сильно централизованы, что отражало более широкие экономические и административные стратегии того времени. Однако в постсоветскую эпоху был предпринят целенаправленный шаг к распределению контроля и управления этими системами между различными вновь образованными федеральными и региональными образованиями. Эта децентрализация была частью более широких политических и экономических реформ, направленных на снижение концентрации власти и формирование более демократической и открытой структуры управления.

Параллельно с децентрализацией в 1990-е годы в России также произошла приватизация многих секторов, включая телекоммуникации и информационные технологии. Этот сдвиг означал значительный отход от модели государственного контроля, преобладавшей в советскую эпоху. Приватизация предполагала передачу права собственности и управления предприятиями телекоммуникаций и информационных технологий от государства частным структурам. Этот шаг был направлен на стимулирование конкуренции, привлечение иностранных инвестиций и стимулирование инноваций в этих секторах, которые все чаще признавались ключевыми для экономического роста и модернизации [3].

Подводя итог, можно сказать, что 1990-е годы стали поворотным периодом в эволюции государственных информационных систем в России. Десятилетие характеризовалось переходом от централизованного управления к более децентрализованной и приватизированной структуре, ко-

ренным образом изменившей телекоммуникационный и ИТ-ландшафт в постсоветскую эпоху.

Наступление 21 века ознаменовало значительный поворотный момент в эволюции государственных информационных систем в России. Этот период характеризовался растущим осознанием российским правительством трансформационного потенциала информационных технологий (ИТ) в повышении эффективности управления и качества государственных услуг. В ответ на это осознание российское правительство приступило к реализации нескольких стратегических инициатив, направленных на ускорение цифровизации государственных функций [4].

Ключевым событием на этом пути стала разработка и принятие программы «Электронная Россия» (E-Russia) в 2002 году. Эта комплексная программа была разработана с четкой целью создания надежной правовой, технической и организационной инфраструктуры, способствующей развитию информационного общества в России. Программа «Электронная Россия» охватывала широкий спектр инициатив, каждая из которых была нацелена на различные аспекты структуры информационного общества [5].

С юридической точки зрения программа была сосредоточена на разработке и внедрении законов и нормативных актов, которые способствовали бы внедрению цифровых технологий в различные государственные функции и службы. Эта правовая база была направлена на решение таких вопросов, как конфиденциальность данных, кибербезопасность и юридическая действительность электронных документов и транзакций, которые имели решающее значение для укрепления доверия и надежности цифровых государственных услуг.

Технологически программа «Электронная Россия» была направлена на создание современной ИТ-инфраструктуры в государственных учреждениях. Это включало модернизацию существующих аппаратных и программных систем, внедрение новых технологий, таких как облачные вычисления и аналитика больших данных, и обеспечение взаимодействия между различными правительственными цифровыми платформами. Цель состояла в том, чтобы создать бесшовную и эффективную цифровую экосистему, которая могла бы поддерживать широкий спектр услуг электронного правительства.

Организационно программа была направлена на реструктуризацию государственных процессов и рабочих потоков для использования потенциала ИТ. Эта реструктуризация включала обучение государственных служащих цифровым навыкам, оптимизацию процессов для обеспечения цифровой совместимости и формирование культуры инноваций в государственных учреждениях. Цель состояла в том, чтобы преобразовать бюрократический аппарат в более гибкую и отзывчивую структуру, которая могла бы эффективно использовать цифровые инструменты для предоставления государственных услуг.

Программа «Электронная Россия» представляла собой стратегический и целостный подход к формированию информационного общества в России. Это была не просто технологическая модернизация, а комплексная реформа, в которой сочетались правовые, технические и организационные изменения для реализации концепции цифрового правительства, в конечном счете направленной на повышение качества жизни российских граждан за счет улучшения государственных услуг и управления.

Одной из основных целей программы было создание всеобъемлющих национальных информационных ресурсов. Это включало консолидацию и оцифровку широкого спектра данных, начиная от правительственных архивов и заканчивая публичными документами, что сделало их доступными и управляемыми с помощью цифровых средств. Создание этих ресурсов было направлено на оптимизацию правительственных процессов и обеспечение централизованной базы данных для различных государственных и муниципальных функций.

Кроме того, программа была направлена на развитие и совершенствование государственных и муниципальных информационных систем. Это повлекло за собой модернизацию существующих цифровых систем в государственных органах и местных администрациях, а также внедрение новых технологий для повышения эффективности и предоставления услуг. Цель состояла в создании сети взаимосвязанных цифровых систем, которые могли бы способствовать улучшению коммуникации и обмена данными между различными правительственными уровнями, тем самым повышая общую административную эффективность.

Ключевым компонентом программы «Электронная Россия» было обеспечение надежной информационной безопасности. В контексте растущей цифровизации защита конфиденциальных данных и правительственных сетей от киберугроз приобрела первостепенное значение. Этот аспект программы включал разработку строгих протоколов кибербезопасности, внедрение передовых технологий безопасности и создание механизмов мониторинга и реагирования для защиты целостности и конфиденциальности правительственных данных.

Среди заметных достижений этой программы была разработка нормативно-правовой базы для электронных транзакций. Эта структура заложила правовые основы для проведения цифровых транзакций, тем самым обеспечив безопасную и юридически признанную среду для электронной коммерции и онлайн-государственных услуг.

Другим значительным достижением стало развитие российского сегмента Интернета. Эти усилия включали расширение доступа в Интернет по всей стране, стимулирование роста русскоязычного онлайн-контента и развитие национальной интернет-инфраструктуры, такой как внутренние серверы и сети, для улучшения подключения и местного управления Интернетом.

Кроме того, программа положила начало внедрению услуг электронного правительства в России. Эта инициатива включала перевод в цифровую форму широкого спектра государственных услуг, от подачи налоговых деклараций до социальных служб, что сделало их доступными онлайн для российских граждан. Внедрение электронных государственных услуг было направлено на повышение прозрачности, сокращение бюрократических проволочек и повышение доступности и удобства государственных услуг для населения [6].

Период после 2010 года ознаменован более стратегическим и комплексным подходом к развитию государственных информационных систем. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2011–2020 годы, принятой в 2010 году, изложено видение информационного общества. В ней подчеркивается важность информационных и коммуникационных технологий в различных секторах, включая здравоохранение, образование и государственное управление.

Одним из заметных проектов в эту эпоху является Единая государственная информационная система в сфере закупок (ЕГИС), которая оцифровала процесс государственных закупок, повысив прозрачность и снизив коррупционные риски. Еще одним значимым проектом является Государственная автоматизированная система «Выборы», которая была разработана для автоматизации процесса подготовки и проведения выборов на всех уровнях.

Безопасность и защита данных были важнейшими элементами в развитии этих систем. Российское правительство уделяет большое внимание кибербезопасности, устанавливая правовые и технические меры для защиты данных и инфраструктуры. Это особенно актуально, учитывая глобальный рост киберугроз и важнейшую роль информационных систем в национальной безопасности.

В последние годы интеграция передовых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и аналитика больших данных, в государственные информационные системы стала приоритетной задачей. Эти технологии используются для повышения эффективности государственного управления, улучшения качества государственных услуг и обеспечения безопасности государственных информационных систем.

Структура государственных информационных систем (ГИС) в России представляет собой сложную архитектуру, тщательно разработанную для удовлетворения разнообразных административных потребностей страны. По своей сути, ГИС в России создана для интеграции различных государственных функций, эффективного предоставления государственных услуг и обеспечения безопасности и доступности данных. В этом обсуждении рассматриваются конкретные компоненты, функциональные возможности и взаимосвязи этих систем, разъясняется их роль в системе цифрового управления в России.

Центральное место в российской ГИС занимает Федеральная государственная информационная система (ФГИС ТП), объединяющая различные государственные базы данных и информационные ресурсы. Эта система предназначена для облегчения межведомственного обмена данными и поддержки процессов принятия решений на различных уровнях государственного управления. ФГИС ТП функционирует через ряд взаи-

мосвязанных подсистем, каждая из которых предназначена для решения конкретных административных задач, таких как здравоохранение, образование, финансы и правоохранительная деятельность.

Важным компонентом ФГИС ТП является Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), которая служит шлюзом для доступа граждан и предприятий к государственным услугам. Эта система обеспечивает стандартизированный процесс проверки личности и предоставления доступа к различным правительственным порталам и службам. ЕСИА интегрирован с другими подсистемами, гарантируя, что проверка личности и безопасность данных поддерживаются на всех платформах.

В сфере государственных услуг Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) выделяется как ключевой элемент. Этот портал предлагает гражданам универсальную платформу для доступа к широкому спектру государственных услуг онлайн, от подачи налоговых деклараций и пособий по социальному обеспечению до регистрации бизнеса и запросов документов. ЕПГУ взаимосвязана с различными ведомственными базами данных, что обеспечивает беспрепятственный поиск и обработку данных [7].

Другой важной подсистемой является Государственная информационная система муниципальных финансов (ГИС ГМП), которая управляет финансовыми операциями, бюджетными ассигнованиями и финансовой отчетностью муниципальных образований. Эта система повышает финансовую прозрачность и подотчетность, предоставляя данные об исполнении бюджета и финансовых потоках в местных администрациях в режиме реального времени [8].

Российская государственная информационная система (ГИС) включает в себя специализированные подсистемы, предназначенные для ключевых секторов, таких как здравоохранение и образование. Эти подсистемы, в частности Единая государственная информационная система здравоохранения (ЕГИСЗ) для здравоохранения и Федеральная информационная образовательная среда (ЭИОС) для образования, играют важнейшую роль в управлении и использовании обширных наборов данных, специфичных для их соответствующих областей.

ЕГИСЗ, краеугольный камень цифровой инфраструктуры здравоохранения в России, предназначен для обработки широкого спектра

медицинских данных. Сюда входят подробные записи пациентов, включающие истории болезни, диагностическую информацию, планы лечения и результаты. Система также объединяет данные от различных поставщиков медицинских услуг, аптек и лабораторий, обеспечивая целостное представление о состоянии здоровья каждого пациента. Обширные возможности ЕГИСЗ по сбору данных и интеграции повышают эффективность и точность оказания медицинских услуг. Это помогает медицинским работникам принимать обоснованные клинические решения и позволяет органам здравоохранения в России отслеживать тенденции в области общественного здравоохранения, оценивать потребности в здравоохранении и разрабатывать эффективную политику и вмешательства в области здравоохранения.

В сфере образования ЭИОС служит централизованной платформой, управляющей огромным количеством образовательных данных. Сюда входят такие ресурсы, как цифровые учебники, онлайн-курсы и интерактивные средства обучения, а также полные академические записи учащихся в различных учебных заведениях. ЭИОС способствует цифровизации образовательного процесса, предоставляя студентам и преподавателям легкий доступ к широкому спектру учебных материалов и ресурсов. Кроме того, система помогает в управлении академическими записями, оптимизируя такие процессы, как зачисление, выставление оценок и сертификация. Агрегирование образовательных данных в рамках FIEE позволяет получать аналитическую информацию о тенденциях в области образования, успеваемости учащихся и использовании ресурсов, тем самым помогая директивным органам в разработке обоснованных стратегий повышения качества и доступности образования в России [9].

Как ЕГИСЗ, так и ЭИОС являются неотъемлемыми компонентами российской ГИС, отражая приверженность страны использованию цифровых технологий в секторах государственных услуг. Управляя и анализируя огромные объемы отраслевых данных, эти системы вносят значительный вклад в повышение эффективности и стратегическое планирование услуг здравоохранения и образования в России. Они воплощают более широкую цель ГИС — использовать возможности цифровой информации для улучшения управления и предоставления государственных услуг [10].

Безопасность и защищенность данных имеют первостепенное значение в структуре ГИС. Российское правительство установило строгие протоколы кибербезопасности и меры по защите данных в рамках этих систем. Это включает в себя внедрение передовых технологий шифрования, регулярные проверки безопасности и соответствие национальным и международным стандартам защиты данных.

Крайне важно понимать, что российская ГИС — это не статичный объект, а динамичная, развивающаяся экосистема. Непрерывная технологическая модернизация и политические реформы определяют ее развитие, приводя его в соответствие с глобальными цифровыми тенденциями и конкретными потребностями управления в России.

В заключение, структура государственных информационных систем в России представляет собой сложную, многоуровневую структуру, предназначенную для поддержки эффективного государственного управления. От предоставления безопасных и доступных государственных услуг до обеспечения целостности данных и содействия межведомственному сотрудничеству, эти системы играют решающую роль в цифровой трансформации российского государства. По мере дальнейшего развития технологий ГИС в России готова развиваться и дальше, потенциально устанавливая новые ориентиры в цифровом управлении и предоставлении государственных услуг.

Список литературы

1. Исмагилова, Л. Р. Теоретические и историко-правовые основы функционирования системы защиты государственных информационных систем / Л. Р. Исмагилова, Э. А. Шарипова // Юридическая гносеология.— 2023.— № 4. — С. 45–51.
2. Абанин, С. Г. Проблемы информационного обеспечения системы государственного управления / С. Г. Абанин, В. А. Карпычев, М. В. Кузнецов // Научно-технический вестник Поволжья.— 2020.— № 1. — С. 9–14.
3. Григорьева, К. Д. Информационные системы Как объект государственно-частного партнерства / К. Д. Григорьева // Современная пара-

- дигма и механизмы экономического роста российской экономики и ее регионов: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 02 декабря 2019 года / Под общей редакцией Н.М. Тюкавкина. Том Часть 2. — Самара: Автономная некоммерческая организация «Издательство Самарского Научного Центра» («Издательство СНЦ»), 2019. — С. 76–80.
4. Багаева, К. А. Анализ единой государственной информационной системы в социальной сфере / К. А. Багаева, Л. Р. Магомаева // Технические науки: проблемы и решения: Сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции, Москва, 18 июня 2019 года / Изд. «Интернаука». Том 6 (22). — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2019. — С. 51–57.
 5. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 N 65 (ред. от 09.06.2010) «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // Собрание законодательства РФ», 04.02.2002, N 5, ст. 531.
 6. Государственно-правовая система в условиях информационного общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 08 февраля 2020 года. — Магнитогорск: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2020.— 33 с.
 7. Шахбанова, А. М. Перспектива в развитии системы Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах / А. М. Шахбанова // Учет и контроль.— 2020.— № 11(61). — С. 59–60.
 8. Исмагилова, Л. Р. Проблемы совершенствования правового регулирования систем защиты информации в государственных информационных системах / Л. Р. Исмагилова, Э. А. Шарипова // Правовая реформа.— 2023.— № 4. — С. 35–39.
 9. Амелин Р. В. Правовые проблемы создания и использования государственных информационных систем. Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 4. С. 11.
 10. Гомалеев, А. О. Создание механизмов взаимодействия медицинских организаций на основе Единой Государственной Информационной Системы в сфере Здравоохранения (ЕГИСЗ) / А. О. Гомалеев // Экономика и бизнес: теория и практика.— 2019.— № 6–1. — С. 79–84.

УДК 34

Особенности правового регулирования договора аренды нежилых помещений

Молчанов Глеб Владимирович

студент магистратуры Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова

***Аннотация:** Статья представляет собой результат теоретического исследования особенностей правового регулирования договора аренды нежилых помещений. В статье автор приводит аргументы, касающиеся пробелов в законодательной базе в рассматриваемой области. В результате анализа обосновывается необходимость совершенствования правовой основы в сфере аренды нежилых помещений.*

***Abstract:** The article is the result of a theoretical study of the peculiarities of legal regulation of non-residential premises lease agreement. In the article the author provides arguments concerning the gaps in the legal framework in the considered area. As a result of the analysis the necessity to improve the legal framework in the sphere of lease of non-residential premises is substantiated.*

***Ключевые слова:** договор аренды нежилых помещений, договор аренды, правовое регулирование договора аренды, правовое регулирование, нежилые помещения.*

***Keywords:** lease agreement for non-residential premises, lease agreement, legal regulation of lease agreement, legal regulation, non-residential premises.*

.....

Правовое регулирование договора аренды нежилых помещений в Российской Федерации выделяется определенными особенностями, которые замечены в рамках Гражданского Кодекса РФ. Несмотря на то, что законодательство предусматривает регулирование различных видов аренды, таких как аренда зданий, предприятий и финансовая аренда, аренда нежилых помещений не обладает четким и самостоятельным разграничением в законодательстве. Данная неоднозначность и отсутствие четких норм могут вызывать разногласия между сторонами договора и создавать потребность в дополнительных мероприятиях по уточнению правовых аспектов арендных отношений нежилых помещений. В данном контексте важно рассмотреть ключевые особенности правового регулирования договора аренды

нежилых помещений в контексте существующего законодательства и проблем, вытекающих из его недостатков.

В ГК РФ не выделен отдельный раздел, посвященный аренде нежилых помещений, что может создать определенные сложности в понимании и применении законодательства для сторон в арендных отношениях. Таким образом, нет четкого определения прав и обязанностей сторон в контексте аренды нежилых помещений. Существующие нормы Главы 34 ГК РФ, регулирующей аренду, касаются в основном аренды зданий, сооружений, предприятий и финансовой аренды (лизинга). Однако отсутствие явного упоминания аренды нежилых помещений может привести к толкованиям и разногласиям между сторонами, так как этот вид аренды не имеет специальных нормативных особенностей.

Отсутствие явных нормативных положений относительно аренды нежилых помещений создает правовой пробел, который может быть использован сторонами в арендных отношениях в свою пользу. Это может привести к разногласиям и неопределенности в правовом статусе таких арендных отношений.

Глава 35 ГК РФ, которая регулирует наем жилого помещения, не включает в себя механизмы регулирования аренды нежилых помещений. Это ограничивает возможности применения соответствующих норм в отношении аренды нежилых помещений и может привести к недостаточной защите интересов сторон в таких отношениях.

Правовой пробел может стать основанием для разногласий и конфликтов между арендаторами и арендодателями, что может отразиться в судебной практике. Суды могут сталкиваться с неоднозначностью в интерпретации законодательства, что усложняет рассмотрение споров и принятие обоснованных решений.

Необходимость совершенствования законодательной базы в сфере аренды нежилых помещений подчеркивается важностью введения ясных нормативных положений, включая определение понятия «нежилое помещение» и установление конкретных механизмов регулирования. Эти изменения могут способствовать устранению разногласий между сторонами и обеспечению более эффективной правовой защиты интересов в области аренды нежилых помещений, что основывается на принципах, предусмотренных ГК РФ.

Договоры аренды включаются в категорию договоров о предоставлении имущества для временного пользования. Это также относится к договорам аренды жилья, безвозмездного пользования и другим. Арендный договор характеризуется следующими особенностями:

1. арендодатель предоставляет арендатору конкретно определенное имущество;
2. передача имущества для временного владения и пользования;
3. использование имущества осуществляется за определенную плату. [2]

В случае аренды происходит экономическое разделение стоимости вещи на товарную часть и не товарную. Это приводит к тому, что арендованное имущество находится под юридическим контролем двух сторон одновременно. Во время действия договора у арендатора возникает ограниченное право на объект аренды, в то время как права собственника (арендодателя) по отношению к имуществу уменьшаются. [8]

Основной аспект данного договора заключается в том, что он предоставляет право использования имущества, а не передачи его в собственность или предоставления прав на его хозяйственное использование или оперативное управление. Обычно право использования арендованного имущества предполагает также и право владения им. В некоторых ситуациях арендатор может, в рамках установленных ограничений, распоряжаться арендованным имуществом (например, самостоятельно ремонтировать или передавать его для ремонта третьим лицам, предоставлять часть имущества в пользование другим). Таким образом, у арендатора формируется особое вещное право, включающее в себя право на использование, владение и в определенных пределах распоряжение арендованным имуществом, что подразумевает защиту этих прав наравне с правами собственности. [6]

Вопрос о юридической природе арендных прав не имеет однозначного ответа. В разные периоды и в различных правовых системах рассматривались как вещные, так и обязательственные аспекты договора аренды. Это может свидетельствовать о разнообразии подходов и влиянии различных правовых традиций на формирование концепции аренды.

В дореволюционной России проектом Гражданского Уложения были сформированы единые правила аренды, разделяющие аренду имущества

и наем рабочей силы. Однако влияние римского права сохраняло общие принципы, такие как возможность аренды не только физических вещей, но и прав. В Советском Союзе было заметное влияние идеологии и социалистических принципов на правовое регулирование аренды. Обширное количество норм, касающихся имущественного найма, свидетельствует о стремлении государства к контролю над собственностью и регулированию отношений, связанных с использованием имущества. Исторически аренда в России рассматривалась не только в контексте физических вещей, но также включала в себя права и отношения. Это подчеркивает гибкость и разнообразие объектов, которые могут быть предметом аренды, что в некоторой степени может создавать сложности в определении правового статуса арендных отношений. [3]

В период Советского Союза, правовое регулирование аренды выделялось обилием норм, касающихся имущественного найма. Эти нормы были зафиксированы не только в Гражданском кодексе, но и в разнообразных постановлениях, правилах и стандартных договорах. Это разнообразие нормативных актов, в некоторой степени, снижало значимость Гражданского кодекса. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года (статьи 275–294) детально описывал правила имущественного найма, включая уточнения, выработанные на практике. [1] Например, наем жилых помещений был исключен из категории имущественного найма и стал отдельным институтом с собственными принципами. Также было установлено, что права граждан не могут быть предметом найма, а круг объектов аренды в целом сужался.

В отношении юридической природы прав арендатора нежилых помещений, в российской правовой науке не существует единого мнения. В то время как дореволюционное законодательство России рассматривало договор аренды как обязательственный, в советских законах появились элементы вещно-правовых отношений. Например, арендатору признавался статус титульного владельца, а для нового собственника вещи договор аренды, заключенный прежним владельцем, становился обязательным. [4]

Современные эксперты, основываясь на предоставлении арендаторам вещно-правовых методов защиты и свойстве права аренды следовать за вещью, склоняются к классификации арендных отношений как

вещно-правовых. Тем не менее, большинство современных исследований интерпретируют арендные права как обязательственные, учитывая, что положения об аренде содержатся в обязательственной части Гражданского кодекса РФ и что арендные отношения возникают на основе договора. [9]

На текущем этапе развития гражданского права в России, арендные права представляют собой комплексные отношения, которые не могут быть однозначно отнесены к чисто обязательственным или вещным правам. Эти права приобрели черты вещных прав, основываясь на современных доктринальных и нормативных основаниях, но при анализе также необходимо учитывать обязательственные элементы, проистекающие из договорных отношений между арендатором и арендодателем. [9]

Таким образом, арендные права, с точки зрения их правовой природы, следует рассматривать как комбинированные, то есть вещно-обязательственные.

Аренда недвижимости, включая здания и сооружения, является специфическим типом договорных отношений. Согласно статье 650 Гражданского кодекса Российской Федерации, арендодатель обязуется предоставить арендатору здание или сооружение для временного использования. Ключевым изменением в последней версии Гражданского кодекса, которая вступила в силу 1 марта 1996 года, стало исключение термина «нежилое помещение», активно применявшегося в кодексе 1964 года. Вместо этого в текущей редакции ГК РФ используется классификация «здания и сооружения», выделяя их как отдельные объекты правового регулирования. В ГК РФ 1996 года введен специальный раздел, посвященный аренде зданий и сооружений, обусловленный уникальными характеристиками этих объектов недвижимости, такими как высокая ценность, их неиспользуемость в процессе использования, тесная связь с землей и другие аспекты. [5]

Аренда нежилых помещений становится ключевым видом бизнес-деятельности. Однако, отсутствие ее законодательного урегулирования в рамках Гражданского кодекса РФ порождает ряд проблем как в теории, так и на практике. [7]

Согласно статье 651, договор аренды обязан быть заключен в письменной форме. Это предостерегает стороны от недопониманий и обеспечива-

ет более четкое и документированное оформление условий сделки. Письменное соглашение служит основой для определения прав и обязанностей сторон. Если договор аренды заключается на срок не менее года, он подлежит государственной регистрации. Государственная регистрация в данном случае выступает важным этапом, считаясь моментом заключения договора. Это обеспечивает прозрачность и стабильность правового статуса арендуемого объекта. Эти правовые требования направлены на обеспечение защиты интересов сторон и предотвращение возможных споров. Письменная форма договора способствует ясному фиксированию условий, а государственная регистрация при длительном сроке аренды обеспечивает стабильность и предсказуемость правового статуса арендованного имущества. Эти меры способствуют разрешению возможных конфликтов и создают основу для долгосрочных и стабильных арендных отношений.

В Гражданском кодексе РФ здания и сооружения выделены как особая категория объектов аренды недвижимости (см. глава 34, параграф 4). Однако специальных норм, касающихся нежилых помещений, в нем нет. В теории и на практике правовой статус нежилых помещений вызывает противоречия, но в большинстве случаев они отождествляются с общим правовым режимом недвижимости. Это приводит к множеству споров относительно правового регулирования договоров аренды нежилых помещений, так как правовой статус таких помещений, как элемента здания или сооружения, оказывается более строгим, чем у самого здания или сооружения.

Автор предлагает дополнить Гражданский Кодекс РФ, вводя категорию «нежилого помещения» и обосновывая эту необходимость на основе его самостоятельности в жилом доме, не являющемся общей собственностью жильцов. Это предложение предполагает изменения в статьях 130 и 34 Гражданского Кодекса РФ.

Статья 130 ГК РФ регулирует вопросы об общей долевой собственности. Дополнение данной статьи новой категорией «нежилое помещение» может внести ясность в правовой статус таких объектов и определить их отношения с другими собственниками в жилом доме. Это может урегулировать вопросы, связанные с использованием и обслуживанием нежилых помещений.

Дополнение главы 34 ГК РФ новым параграфом 4.1, посвященным аренде нежилого помещения, также имеет цель урегулирования отношений, связанных с арендой данного типа объектов. Это позволит установить особенности аренды нежилых помещений и обеспечить их правовую защиту.

Таким образом, предложенные изменения в законодательстве направлены на создание четкого правового режима для нежилых помещений, решение неясностей и урегулирование отношений в этой сфере. Внесение таких изменений может способствовать более эффективному и ясному правовому регулированию аренды и собственности нежилых помещений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости ВС РСФСР.— 1964.— № 24. — Ст. 407 (утратил силу).
2. Ахметьянова З. А. Вещно-правовые признаки в некоторых гражданско-правовых обязательствах [Текст] // Юрист.— 2009.— № 2. — С. 27.
3. Азукаева Б.А., Медведев С. Н. Исторический аспект развития правового регулирования арендных отношений // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований.— 2006.— № 2. — С. 16.
4. Азукаева Б. А. Правовое регулирование аренды нежилых помещений: применение общих норм об аренде или норм об аренде зданий и сооружений // Право и государство: теория и практика.— 2007.— № 6 (30). — С. 19.
5. Брагинский М.И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о передаче имущества (Книга 2) (издание 4-е, стереотипное) [Текст] — М., Статут. 2005. — С. 342.
6. Долинская В. Договор аренды (имущественного найма). // Журнал «Закон».— 2006.— № 10. — С. 14.
7. Симонова М. Н. Аренда. Лизинг. Прокат. — М.: Статус-Кво 97, 2011. — С. 288.
8. Скворцов О. Ю. Договор аренды недвижимости [Текст] // Арбитражные споры.— 2011.— № 1. — С. 23.
9. Смирнов В.В., Лукина З. П. Аренда недвижимости (зданий, сооружений, нежилых помещений). — М.: Изд-во «Ось-89», 2008. — С. 21.

УДК 34

Сущность и понятие нежилого помещения как объекта недвижимого имущества

Молчанов Глеб Владимирович

студент магистратуры Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова

***Аннотация:** Статья представляет собой результат теоретического исследования сущности и понятия нежилого помещения как объекта недвижимого имущества. В работе автор приводит толкование понятий «нежилое помещение», «здание», «движимость», «недвижимость». Автор проводит обзор мнений ученых и исследователей касательно понимания понятия «нежилое помещение». Результатом данной статьи является углубление понимания понятия «нежилое помещение» как объекта недвижимого имущества.*

***Abstract:** The article is the result of theoretical research of the essence and concept of non-residential premises as an object of immovable property. The author provides the interpretation of the concepts of “non-residential premises”, “building”, “movable property”, “real estate”. The author reviews the opinions of scientists and researchers regarding the understanding of the concept of “non-residential premises”. This article results in deepening the understanding of the concept of “non-residential premises” as an object of immovable property.*

***Ключевые слова:** понятие нежилого помещения, нежилое помещение, объект недвижимого имущества, недвижимое имущество, сущность объекта недвижимого имущества.*

***Keywords:** concept of non-residential premises, non-residential premises, object of immovable property, immovable property, essence of an object of immovable property.*

Развитие законодательства России в сфере недвижимости достигло ключевого момента с признанием нежилых помещений как самостоятельных субъектов гражданского права. Этот прогрессивный шаг в правовой сфере подчеркивает углубленную работу законодателей над классификацией и регулированием недвижимости. Основатели Концепции развития гражданского законодательства в области недвижимости выделяют значимость этой инновации, акцентируя внимание на интеграции как жилых, так и нежилых помещений в общую категорию недвижимых активов.

Такой подход не только уточняет правовые рамки для операций с недвижимостью, но и способствует формированию более структурированного и прозрачного рынка недвижимости, улучшая тем самым его функционирование и предоставляя более ясные руководящие принципы для участников рынка. Это обусловлено не только их важностью в гражданском обороте, но и необходимостью более детально определять их правовой статус. [8]

Нежилые помещения рассматриваются как недвижимость, не являющаяся отдельными зданиями или сооружениями, а скорее, как отдельные, ясно выделенные части внутри этих зданий или сооружений, не предназначенные для проживания.

В связи с тем, что нежилые помещения и сами здания являются отдельными юридическими объектами, применять статьи Гражданского кодекса Российской Федерации, касающиеся купли-продажи и аренды зданий, к нежилым помещениям целесообразно лишь для заполнения правовых вакуумов при разбирательствах судебных дел. Чтобы избежать конфликтов при оформлении сделок с нежилыми помещениями, крайне важно в договорах четко прописывать объект сделки. Это включает в себя детализацию конкретных помещений: их местоположение в рамках здания, общую площадь, технические особенности, номера помещений, количество этажей и другие уникальные характеристики, которые могут быть зафиксированы в техническом паспорте сооружения. Жилые помещения, такие как квартиры, части квартир или домов, а также все нежилые помещения, в определенной степени являются условными объектами недвижимости. Они рассматриваются как «самостоятельная» недвижимость по закону, поскольку находятся в составе другой недвижимости — жилых или нежилых зданий и сооружений, и, следовательно, не имеют прямой связи с землей.

Толкование термина «нежилое помещение» варьируется как в юридической литературе, так и в нормативных актах. В Гражданском кодексе РФ не разъясняется взаимосвязь между «зданием» и «нежилым помещением». Стоит отметить, что статья 277 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года [1] упоминала аренду строений и нежилых помещений, но не раскрывала их сущность. В этих документах термин «нежилые помещения» используется

наряду с «зданиями» и «строениями», что подразумевает, что «нежилые помещения» являются самостоятельной, более узкой категорией.

В академических кругах права существует консенсус о том, что термин «здание» охватывает всю палитру строительных объектов, включая как жилые, так и нежилые помещения, а также их индивидуальные сегменты. Эксперт Исрафилов И. подчеркивает, что нежилые помещения могут быть рассмотрены как независимые здания или как их части. Согласно мнению Сергеева А.П. и Толстого Ю.К., законодательные нормы, урегулированные для аренды зданий, должны по аналогии применяться и к нежилым помещениям, исключая правила, связанные с передачей прав на земельные участки арендатору. Важно отметить, что аспекты, касающиеся формирования договоров аренды, их регистрации, передачи объекта в пользование и оплаты арендной платы, также должны быть применимы к нежилым помещениям.

Таким образом, всесторонний анализ этих мнений позволяет заключить, что нежилые помещения, будучи составляющими зданий и сооружений, обладают сопоставимым правовым статусом. В свете этого, вопросы, касающиеся аренды нежилых помещений, должны находиться под управлением тех же законодательных норм, что и аренда зданий и сооружений. [6]

Есть группа авторов, занимающих позицию, согласно которой Гражданский кодекс РФ не содержит специфических правил для аренды нежилых помещений. Таким образом, к этому типу правоотношений применяются общие правила аренды в их полной мере.

Витрянский В.В. подчеркивает отсутствие специальных правил в Гражданском кодексе РФ относительно аренды нежилых помещений, указывая на то, что общие правила аренды, включая аренду недвижимости, применяются без ограничений. [5]

Аналогично, Брагинская Т. комментируя параграф 4 главы 34 ГК РФ, подтверждает, что специальные правила для аренды нежилых помещений отсутствуют, и, следовательно, общие правила аренды распространяются на них полностью. [3]

Изложенные точки зрения позволяют сделать вывод, что при использовании стандартных норм аренды в договоре, нежилое помещение рас-

сматривается не как часть здания, а как независимый объект аренды. Это мнение Садикова О.Н. подчеркивает, что термин «нежилое помещение» в качестве части «здания» применим, но нормы параграфа 4 главы 34 Гражданского кодекса РФ применяются к таким отношениям лишь при специальном согласовании сторонами. [4]

Т. Ю. Комарова, поддерживая взгляды И. Исрафилова, в своем исследовании утверждает, что нежилые помещения, являющиеся частью зданий, следует рассматривать как объекты договора аренды зданий и сооружений. Она предполагает, что параграф 4 главы 34 ГК РФ по аренде зданий и сооружений должен включать в себя аренду нежилых помещений. В различных нормативных актах, связанных с арендой объектов нежилого фонда, термин «нежилое помещение» часто упоминается в контексте зданий и сооружений.

В Гражданском кодексе РФ нежилые помещения не выделены в отдельную категорию в контексте арендных отношений, а объединяются с жилыми зданиями под общим понятием «здание». Это означает, что нежилое помещение может охватывать как здание целиком, так и его отдельные части. Разнообразие формулировок, используемых в нормативных актах, таких как строительные нормы и правила (СНиПы), где применяется выражение «здания, сооружения и помещения в них», иллюстрирует эту концепцию. Кроме того, в соответствии с распоряжением Госкомимущества РФ от 5 февраля 1993 года № 217-р, категория «нежилые помещения» включает в себя здания, сооружения и отдельные нежилые помещения, в том числе встроенно-пристроенные объекты. Эти разнообразные определения и классификации подчеркивают сложность и многогранность правового статуса нежилых помещений в контексте аренды. [2]

Отличие недвижимых объектов от других не следует определять исключительно по техническим параметрам, таким как прочность, временность или наличие фундамента, а скорее по юридическим характеристикам. Основными юридическими критериями являются «неразрывная связь с землей» и «невозможность перемещения без серьезного ущерба для его функциональности». Это подразумевает, что объект настолько интегрирован с землей, что его перемещение невозможно без существенного вреда его назначению.

Термины «движимость» и «недвижимость» основываются на первичной классификации объектов в зависимости от их способности к перемещению. Объекты, предназначенные для использования в разных местах и способные к перемещению, относятся к движимым. Напротив, объекты, такие как земля, здания, сооружения, предназначены для стационарного использования и не подлежат перемещению.

О. Ю. Скворцов эффективно описывает это различие, подчеркивая, что связь недвижимости с землей критически важна, поскольку ее отсутствие приводит к потере функциональности объекта. Так, если помещение находится в недвижимом объекте, таком как здание или сооружение, которое не может быть перемещено без утраты своей функции, то такие же ограничения распространяются и на отдельные помещения внутри него. Помещение сохраняет свое предназначение благодаря устойчивой связи с землей. [7]

В нормативной документации Российской Федерации, объекты, известные как «нежилые помещения», рассматриваются как индивидуальные сущности в контексте недвижимости и являются предметами торговых операций, но единая дефиниция этого термина отсутствует. Согласно широкому толкованию Гражданского кодекса РФ, при заключении договоров аренды нежилых помещений следует опираться на положения главы 34 этого Кодекса. Тем не менее, использование этого термина в таком широком смысле в указанном контексте может быть непродуктивным, поскольку сам Кодекс не упоминает «помещения» в качестве объектов аренды в названии соответствующего раздела. Практически, аренда нежилых помещений часто включает в себя аренду зданий.

Так, для более точного юридического регулирования различных сценариев, полезно было бы в законодательстве детализировать концепцию «нежилых помещений». Этот термин должен включать в себя отдельные сегменты зданий, в том числе те, которые находятся в жилых зданиях и были переквалифицированы в нежилые согласно утвержденным процедурам, а также пристроенные и встроенные конструкции. В контексте аренды зданий и сооружений, нежилые помещения, как части нежилых зданий, следует рассматривать в рамках 34-й главы Гражданского кодекса РФ, которую можно интерпретировать как «аренда объектов нежилого

назначения (зданий, сооружений, нежилых помещений)». В правовых документах, регламентирующих аренду нежилого фонда, понятие «нежилое помещение» часто используется наряду с терминами «здания» и «сооружения».

Список литературы

1. Гражданский кодекс РСФСР: Закон РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости ВС РСФСР.— 1964.— № 24. — Ст. 407 (утратил силу).
2. Распоряжение Госкомимущества РФ от 5 февраля 1993 г. № 217-р «Об упорядочении процесса учета и разграничения прав собственности на нежилые помещения» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти.— 1993.— № 2.
3. Комментарии к части второй ГК РФ для предпринимателей / Под ред. Брагинской Т. — М.: Фонд «Правовая культура», 2012. — С. 319.
4. Комментарии ко второй части Гражданского кодекса РФ (постатейные) / Под ред. О.Н Садикова. — М.: Инфра-М-Норма, 2011. — С. 218.
5. Витрянский В.В., Брагинский М. И. Договорное право: Договоры о передаче имущества. Изд. второе. — М.: Статут, 2012. — С. 525.
6. Гражданское право. Том. 2 / Под редакцией А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М.: Проспект, 2010. — С. 184.
7. Комментарии к части второй ГК РФ для предпринимателей / Под ред. Скворцов О. Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте. — М.: Теис, 2010. — С. 46.
8. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / Под общ. ред. В. В. Витрянского, О. М. Козырь, А. А. Маковской. — М.: Проспект, 2010. — С. 12.

УДК 34

**Основные сценарии процессуального развития
укрупненных категорий наиболее часто
встречающихся в новейшей арбитражной практике
судебных споров, вытекающих из договорных
отношений по поводу транспортной экспедиции,
инициированных стороной экспедитора**

Лариса Сергеевна Ревенко

магистрант Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Аннотация: В статье, на основании собственного исследования постановлений арбитражных судов со всей страны, изложены основные сценарии процессуального развития крупнейших категорий наиболее часто встречающихся в современной арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной экспедитора. В заключение статьи даны полезные практические советы обеим сторонам потенциального судебного спора (разбирательства).

Abstract: The article outlines the main scenarios of procedural development of enlarged categories of the most frequent in modern arbitration practice litigation disputes arising out of contractual relations concerning transportation forwarding initiated by the freight forwarder's party. Rulings of arbitration courts from all over the country are researched. The article concludes with useful practical advice for both parties to a potential legal dispute (proceeding).

Ключевые слова: гражданское право, договор транспортной экспедиции, транспортно-экспедиционная деятельность, судебный спор, арбитражный спор, судебное разбирательство.

Keywords: civil law, freight forwarding contract, freight forwarding activity, litigation, arbitration.

Актуальность научного осмысления вопросов совершенствования правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности заключается в том, что перевозка грузов в совокупности с предоставлением экспедиционных услуг в настоящее время является неотъемлемым элементом экономической, торговой и международной сферы общественных отношений.

В связи с увеличением товарооборота в реальной хозяйственной практике с каждым годом органами юстиции фиксируется всё большее и большее количество судебных споров. Их причинами являются не только недобросовестное исполнение сторонами договорных обязательств, но и пробелы в правовом регулировании.

Правоотношения по поводу транспортной экспедиции в особенной степени подвержены риску перехода в плоскость судебных разбирательств, так как договор транспортной экспедиции, как отмечается множеством ученых и специалистов, в отечественной доктрине гражданского права является одним из самых несовершенных и слабо разработанных.

В сферу научных интересов автора настоящей статьи входят вопросы исследования проблемных аспектов теории и практики правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности: проблемы теории и практики.

Прикладные вопросы процессуального характера в отношении судебных споров по правоотношениям, вытекающим из договора транспортной экспедиции, согласно сказанному выше, имеют крайне высокую актуальность и практическую востребованность у субъектов финансово-экономической и хозяйственной деятельности. Речь, прежде всего, идет о правоотношениях, урегулированных положениями главы 41 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], а также статьями 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» [2].

С целью выявления основных сценариев процессуального развития укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной экспедитора, автором настоящей статьи в рамках её подготовки было исследовано более полусотни постановлений арбитражных судов со всей страны. В частности, изучены судебные акты Арбитражного суда Волго-Вятского округа [3], Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа [4], Арбитражного суда Дальневосточного округа [5], Арбитражного суда Западно-Сибирского округа [6], Арбитражного суда Московского округа [7],

Арбитражного суда Поволжского округа [8], Арбитражного суда Северо-Западного округа [8], Арбитражного суда Уральского округа [10], Седьмого арбитражного апелляционного суда [11], Тринадцатого арбитражного апелляционного суда [12] и других.

Анализ совокупности названных судебных актов позволил автору настоящей статьи, путём использования научного метода систематизации (обобщения и группировки) выявить следующие три укрупненные категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной экспедитора, классифицированные по причине подачи искового заявления: клиент не оплатил оказанные экспедитором услуги; клиент просрочил оплату оказанных транспортно-экспедиционных услуг; экспедитор считает, что договор транспортной экспедиции является незаключенным.

Кратко содержательно рассмотрим основные сценарии процессуального развития укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной экспедитора.

1. Группа исковых заявлений, вызванных отсутствием оплаты со стороны клиента (ответчик) услуг, оказанных экспедитором (истцом).

В первой укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной экспедитора, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, возможны два процессуальных пути развития событий: либо процессуальная воля истца (экспедитора) будет направлена на взыскание задолженности, либо процессуальная воля истца (экспедитора) будет направлена на расторжение договора транспортной экспедиции и взыскание задолженности.

В первой ситуации, когда процессуальная воля истца (экспедитора) будет направлена на взыскание задолженности с ответчика (клиента) за оказанные ему экспедиторские услуги, как правило истцом заявляется, что между ним и ответчиком заключен договор транспортной экспеди-

ции, однако, оказанные истцом экспедиторские услуги не были оплачены ответчиком в полном объеме или в какой-либо части.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (взыскания задолженности), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец докажет, что услуги были оказаны в соответствии с условиями договора;

Во-вторых, истец докажет размер задолженности;

В-третьих, истец докажет факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, установленного законом или договором (квитанциями Почты России с описью вложения и т.п.)

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *частичное удовлетворение искового заявления (взыскание задолженности не в полном объеме)*, будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец не сможет доказать размер взыскиваемой задолженности (документально подтверждено оказание услуг на сумму меньше заявленной);

Во-вторых, истец пропустит срок исковой давности в отношении части требований.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении искового заявления*, будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истцом не будет доказано оказание услуг;

Во-вторых, ответчиком будет доказана оплата оказанных услуг в полном объеме;

В-третьих, ответчиком будет доказано, что обязательства сторон прекращены зачетом требований;

В-четвертых, истцом будет пропущен срок исковой давности.

Во второй ситуации, когда процессуальная воля истца (экспедитора) будет направлена на расторжение договора транспортной экспедиции и взыскание задолженности за оказанные ответчику (клиенту) экспеди-

торские услуги, как правило истцом заявляется, что между ним и ответчиком заключен договор транспортной экспедиции, однако, оказанные истцом экспедиторские услуги не были оплачены ответчиком в принципе.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (договор будет расторгнут и задолженность взыщут), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец докажет оказание услуг в соответствии с условиями договора;

Во-вторых, истец докажет размер задолженности;

В-третьих, истец докажет факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, установленного законом или договором (квитанциями Почты России с описью вложения и т.п.)

Следует отметить, что при подготовке настоящей статьи её автором судебная практика в пользу ответчика вообще не была выявлена. Соответственно, процессуальные шансы истца по подобному набору заявляемых исковых требований можно оценить как крайне высокие.

2. Группа исковых заявлений, вызванных неполной либо несвоевременной оплатой со стороны клиента (ответчика) услуг, оказанных экспедитором (истцом).

Во второй укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной экспедитора, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, как правило процессуальная воля истца (экспедитора) направлена на взыскание неустойки за просрочку оплаты услуг и возмещение убытков. Как правило истцом заявляется, что между ним и ответчиком заключен договор транспортной экспедиции, однако, ответчик допустил просрочку оплаты оказанных истцом экспедиторских услуг.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (взыскание неустойки), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец докажет наличие договора транспортной экспедиции;

Во-вторых, истец докажет факт просрочки оплаты ответчиком оказанных услуг;

В-третьих, истец докажет размер договорной неустойки;

В-четвертых, истец докажет факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, установленного законом или договором (квитанциями Почты России с описью вложения и т.п.).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *частичное удовлетворение* искового заявления (взыскание неустойки в сниженном размере), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, ответчиком будет заявлено ходатайство об уменьшении неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ и доказана ее несоразмерность последствиям просрочки оплаты;

Во-вторых, истцом не будет в надлежащей мере убедительно доказан размер неустойки (например, неправильно определен период ее начисления), расчет скорректирован судом.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении* искового заявления (отказ во взыскании неустойки), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истцом не будет доказано наличие заключенного договора;

Во-вторых, истцом не будет доказан факт оказания услуг, за просрочку оплаты которых взыскивается неустойка;

В-третьих, истцом будет пропущен срок исковой давности.

3. Группа исковых заявлений, вызванных ситуациями, в которых экспедитор (истец) считает, что договор транспортной экспедиции по тем или иным причинам является незаключенным.

В третьей укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной экспедитора, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, процессуальная воля истца направлена на признание договора транспортной экспедиции незаключенным. Подобные

ситуации возникают, как правило, когда между сторонами был подписан договор транспортной экспедиции, но клиент считает указанный договор заключенным, экспедитор считает, что договор является незаключенным. Важно понимать, что подобную позицию экспедитор как истец по делу занимает чаще всего тогда, когда подает исковое заявление с подобными требованиями в качестве встречного (ответной меры).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (договор признают незаключенным), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если: истцом будет доказано отсутствие согласования предмета договора (конкретного вида (видов) оказываемой услуги, связанной с перевозкой груза).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении* искового заявления (отказа в признании договора незаключенным), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истцом не будет доказано, что стороны не согласовали предмет договора (конкретный вид (виды) оказываемой услуги, связанной с перевозкой груза);

Во-вторых, ответчиком будет доказано, что истец реально исполнял договор.

В заключение статьи её автор считает возможным сформулировать ряд практических рекомендаций для экспедиторов, выступающих в данном случае истцом как стороной по делу.

1. Стороне истца следует понимать и помнить, что судья по судебной практике, противная сторона (ответчик) практически всегда не применит воспользоваться своим правом на подачу встречного иска со встречным требованием *об истребовании имущества, переданного в рамках договора*.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора — подачи встречного иска со стороны ответчика, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (имущество истребуют), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если клиент как ответчик по основному исковому заявлению и истец по встречному исковому заявлению:

Во-первых, докажет факт принадлежности себе истребуемого имущества на законных основаниях;

Во-вторых, докажет факт нахождения спорного имущества во владении экспедитора как ответчика по встречному исковому заявлению;

В-третьих, докажет отсутствие у экспедитора как ответчика по встречному исковому заявлению законного права на удержание истребуемого имущества.

2. Стороне истца следует понимать и помнить, что судя по судебной практике, противная сторона (ответчик) практически всегда не применит воспользоваться своим правом на подачу встречного иска со встречным требованием *о взыскании убытков, причиненных утратой груза, переданного в рамках договора*.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора — подачи встречного иска со стороны ответчика, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (убытки взыщут), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если клиент как ответчик по основному исковому заявлению и истец по встречному исковому заявлению:

Во-первых, докажет факт принятия экспедитором как ответчиком по встречному исковому заявлению груза к перевозке по договору;

Во-вторых, докажет факт утраты переданного экспедитору как ответчику по встречному исковому заявлению груза;

В-третьих, докажет причинно-следственную связь между утратой экспедитором как ответчиком по встречному исковому заявлению переданного ему по договору груза и понесенными клиентом убытками;

В-четвертых, размер убытков.

3. Стороне истца следует понимать и помнить, что судя по судебной практике, противная сторона (ответчик) практически всегда не применит воспользоваться своим правом на подачу встречного иска со встречным требованием *о взыскании неустойки за нарушение сроков доставки груза по договору транспортной экспедиции*.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора — подачи встречного иска со стороны ответчика, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (взыщут неустойку), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том

условии, когда и если клиент как ответчик по основному исковому заявлению и истец по встречному исковому заявлению:

Во-первых, докажет факт просрочки доставки груза;

Во-вторых, докажет размер неустойки.

Таким образом, автор настоящей статьи выражает надежду на то, что полученных в ходе представленного исследования данные и новые знания, касающиеся прикладных вопросов процессуального характера будут практически полезными и смогут иметь реальную практическую востребованность у субъектов финансово-экономической и хозяйственной деятельности, участвующих в правоотношениях, вытекающих из договора транспортной экспедиции, как на досудебной, так и на предсудебной и судебной стадиях.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федеральный закон от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ // Российская газета. 2003. № 128. 3 июля.
3. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.06.2019 № Ф01–2050/2019 по делу № А43–15440/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.03.2022 № Ф02–8189/2021 по делу № А33–18040/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.04.2022 № Ф03–1201/2022 по делу № А51–12467/2020. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.06.2019 № Ф04–1951/2019 по делу № А81–2451/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.06.2022 № Ф05–13237/2022 по делу № А41–58370/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.04.2022 № Ф06–16885/2022 по делу № А55–5589/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.01.2020 № Ф07–15357/2019 по делу № А44–728/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.01.2022 № Ф09–10252/21 по делу № А60–29941/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2019 № 07АП-5720/2019 по делу № А67–14343/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2018 № 13АП-3550/2018 по делу № А56–37626/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

УДК 34

Основные сценарии процессуального развития укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента

Лариса Сергеевна Ревенко

магистрант Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Аннотация: В статье, на основании собственного исследования постановлений арбитражных судов со всей страны, изложены основные сценарии процессуального развития укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в современной арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента. В заключение статьи даны полезные практические советы обеим сторонам потенциального судебного спора (разбирательства).

Abstract: *The article outlines main scenarios of procedural development of the enlarged categories of the most common in modern arbitration practice litigation disputes arising out of contractual relations in relation to freight forwarding initiated by the client's party. Rulings of arbitration courts from all over the country are researched. The article concludes with useful practical advice to both parties to the potential litigation (proceedings).*

Ключевые слова: *гражданское право, договор транспортной экспедиции, транспортно-экспедиционная деятельность, судебный спор, арбитражный спор, судебное разбирательство.*

Keywords: *civil law, freight forwarding contract, freight forwarding activity, litigation, arbitration dispute.*

.....

Актуальность научного осмысления вопросов совершенствования правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности заключается в том, что правоотношения по поводу транспортно-экспедиционных услуг переживают все постоянное усложнение и регулярную внутреннюю трансформацию. Кроме того, на рынке экспедиторских услуг возникают как новые продукты, новые субъекты деятельности, так и новые комбинации обязательств.

Кроме того, научный анализ действующего законодательства, отражаемый во взглядах ученых и судебной практике, выявляет всё новые коллизионные вопросы и общие, и частные проблемы правового регулирования.

Самостоятельные аспекты актуальности рассматриваемой темы образуются в связи с изменениями во внешнеполитической обстановке и внутриэкономической обстановке страны. Например, правоотношения по поводу транспортной экспедиции приобретают новые черты в связи с всё более активным участием отечественных экономических агентов на Евразийском экономическом пространстве. Регулярно возникают и абсолютно новые тенденции развития транспортно-экспедиционной деятельности в операторском бизнесе.

В сферу научных интересов автора настоящей статьи входят вопросы исследования проблемных аспектов теории и практики правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности: проблемы теории и практики.

Прикладные вопросы процессуального характера в отношении судебных споров по правоотношениям, вытекающим из договора транспортной

экспедиции, согласно сказанному выше, имеют крайне высокую актуальность и практическую востребованность у субъектов финансово-экономической и хозяйственной деятельности. Речь, прежде всего, идет о правоотношениях, урегулированных положениями статей 10, 167, 168, 169, 421, 801 ГК РФ и главы 41 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], а также статьями 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» [2].

С целью выявления основных сценариев процессуального развития укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента, автором настоящей статьи в рамках её подготовки было исследовано более полусотни постановлений арбитражных судов со всей страны. В частности, изучены судебные акты Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации [3], Арбитражного суда Волго-Вятского округа [3], Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа [5], Арбитражного суда Дальневосточного округа [6], Арбитражного суда Западно-Сибирского округа [7], Арбитражного суда Московского округа [8], Арбитражного суда Поволжского округа [9], Арбитражного суда Северо-Западного округа [10], Арбитражного суда Северо-Кавказского округа [11], Арбитражного суда Уральского округа [12], Арбитражного суда Центрального округа [13], Второго арбитражного апелляционного суда [14], Девятого арбитражного апелляционного суда [15], Первого арбитражного апелляционного суда [16], Седьмого арбитражного апелляционного суда [17], Тринадцатого арбитражного апелляционного суда [18], Четвертого арбитражного апелляционного суда [19], Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области [20], Арбитражного суда Краснодарского края [21], Арбитражного суда Челябинской области [22] и других.

Анализ совокупности названных судебных актов позволил автору настоящей статьи, путём использования научного метода систематизации (обобщения и группировки) выявить следующие шесть укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу

транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента, классифицированные по причине подачи искового заявления: утрачен груз, принятый экспедитором по договору; поврежден груз, принятый экспедитором по договору; экспедитор нарушил условия договора транспортной экспедиции; экспедитор, по мнению клиента, не оказал услуги в установленный договором срок; клиент считает, что договор транспортной экспедиции является незаключенным; клиент считает, что договор транспортной экспедиции является недействительным.

Кратко содержательно рассмотрим основные сценарии процессуального развития укрупненных категорий наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента.

1. Группа исковых заявлений, вызванных утратой груза, принятого экспедитором (ответчиком).

В первой укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, процессуальная воля клиента как истца направлена на взыскание с экспедитора убытки, причиненные утратой груза.

Как правило истцом заявляется, что между ним и ответчиком заключен договор транспортной экспедиции, однако, ответчик, по мнению истца, допустил при перевозке утрату вверенного ему груза полностью или частично.

Соответственно, по общему правилу, в исковом заявлении истцом заявляются требования о взыскании убытков, причиненных утратой груза, о взыскании штрафа за утрату груза (в данном случае речь идет о так называемой «законной неустойке», предусмотренной статьей 7 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»), а также о о взыскании платы, перечисленной за перевозку груза.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (взыскание убытков), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец докажет факт принятия ответчиком (экспедитором) груза к перевозке по договору;

Во-вторых, истец докажет факт утраты переданного ответчику (экспедитору) груза;

В-третьих, истец докажет причинно-следственную связь между утратой ответчиком (экспедитором) переданного ему по договору груза и понесенными истцом (клиентом) убытками;

В-четвертых, истец докажет размер убытков;

В-пятых, истец докажет факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка (квитанциями Почты России с описью вложения и т.п.).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *частичное удовлетворение искового заявления (взыскание убытков не в полном объеме)*, будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если: суд установит, что ущерб возник до передачи груза ответчику (экспедитору), который принял его без объявленной ценности.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении искового заявления (отказа во взыскании убытков)*, будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истцом (клиентом) не будет доказано принятие ответчиком (экспедитором) груза к перевозке;

Во-вторых, истцом (клиентом) не доказан факт утраты ответчиком (экспедитором) груза;

В-третьих, утрата груза произошла в связи с ненадлежащей упаковкой перевозимого груза, за что в соответствии с договором несет ответственность истец (клиент);

В-четвертых, ответчиком (экспедитором) будет заявлено о пропуске истцом (клиентом) срока исковой давности.

2. Группа исковых заявлений, вызванных повреждением груза, принятого ответчиком (экспедитором) по договору.

Во второй укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициирован-

ных стороной клиента, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, как правило процессуальная воля истца (экспедитора) направлена на взыскание убытков, причиненных повреждением (порчей) груза. Как правило истцом заявляется, что между ним и ответчиком заключен договор транспортной экспедиции, экспедитор принял груз клиента к перевозке, однако, по мнению истца (клиента), груз при перевозке был поврежден. Соответственно, истцом в исковом заявлении заявляются требования о взыскании убытков, причиненных повреждением груза.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (взыскание убытков), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец докажет факт принятия ответчиком (экспедитором) груза к перевозке по договору;

Во-вторых, истец докажет факт повреждения переданного ответчику (экспедитору) груза;

В-третьих, истец докажет причинно-следственную связь между повреждением переданного ответчику (экспедитору) по договору груза и понесенными истцом (клиентом) убытками;

В-четвертых, истец докажет размер убытков;

В-пятых, истец докажет факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, установленного законом или договором (квитанциями Почты России с описью вложения и т.п.)

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении* искового заявления (отказ во взыскании убытков), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец не сможет доказать что груз был поврежден после принятия его ответчиком (экспедитором) к перевозке;

Во-вторых, в судебном процессе будет установлено, что за поврежденный груз истец (клиент) получил страховое возмещение в размере объявленной ценности груза, указанной в поручении, и не смог доказать, что сообщал ответчику (экспедитору) об иной стоимости перевозимого груза;

В-третьих, истцом будет допущен пропуск исковой давности.

3. Группа исковых заявлений, вызванных ситуациями, в которых экспедитор (ответчик) нарушил условия договора транспортной экспедиции.

Во второй укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, как правило процессуальная воля истца (экспедитора) направлена на взыскание неустойки (штрафа) за ненадлежащее исполнение обязательств по договору.

Как правило истцом заявляется, что между ним и ответчиком заключен договор транспортной экспедиции, экспедитор принял груз клиента к перевозке, однако, по мнению истца (клиента), ответчик (экспедитор) допустил нарушение договора (например, нарушил срок доставки, срок предоставления вагонов и контейнеров и т.д.). Соответственно, заявляются исковые требования о взыскании неустойки за ненадлежащее исполнение обязательств по договору транспортной экспедиции.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (неустойка будет взыскана), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец докажет наличие договора транспортной экспедиции;

Во-вторых, истец докажет факт нарушения ответчиком (экспедитором) своих обязательств по договору;

В-третьих, истец докажет размер неустойки;

В-четвертых, истец докажет факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, установленного законом или договором (квитанциями Почты России с описью вложения и т.п.).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *частичное удовлетворение* искового заявления (взыскание неустойки в сниженном размере), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истцом (клиентом) не будет не доказан размер неустойки (штрафа) в полном объеме;

Во-вторых, ответчиком (экспедитором) будет заявлено ходатайство об уменьшении неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ и доказана ее несоразмерность последствиям нарушения.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении* искового заявления (отказа во взыскании неустойки), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если истцом (клиентом) не будет доказан факт нарушения ответчиком (экспедитором) своих обязательств по договору.

4. Группа исковых заявлений, вызванных ситуациями, в которых клиент (истец) считает, что экспедитор (ответчик) не оказал услуги в установленный договором срок.

В четвертой укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, процессуальная воля истца направлена на взыскание с ответчика полученных денежных средств по договору. Подобные ситуации возникают, как правило, когда между сторонами был подписан договор транспортной экспедиции, клиент уплатил экспедитору аванс по договору транспортной экспедиции; экспедитор, по мнению клиента, услуги не оказал: не приступил к исполнению договора или прекратил исполнение в одностороннем порядке; срок, установленный договором для оказания услуг, истек; клиент в связи с неисполнением договора экспедитором в одностороннем порядке отказался от договора (расторг его) в связи с неоказанием экспедитором услуг.

Соответственно, истец (клиент) заявляет иски о взыскании неосновательного обогащения (в размере неосвоенного аванса), а также требования о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами (если их взыскание возможно в данном случае с учетом п. 4 ст. 395 ГК РФ).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (неосновательное обогащение взыщут), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец докажет факт перечисления ответчику аванса;

Во-вторых, истец докажет факт истечения срока для оказания услуг;

В-третьих, истец докажет факт неоказания услуг ответчиком на сумму истребуемого аванса;

В-четвертых, истец докажет факт расторжения со своей стороны договора (отказ от исполнения);

В-пятых, истец докажет факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, установленного законом или договором (квитанциями Почты России с описью вложения и т.п.).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении* искового заявления (отказ во взыскании предоплаты), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, ответчик докажет, что транспортно-экспедиционные услуги были оказаны в полном объеме;

Во-вторых, ответчик докажет, что истцом был пропущен срок исковой давности.

5. Группа исковых заявлений, вызванных ситуациями, в которых клиент (истец) считает, что договор транспортной экспедиции является незаключенным.

В пятой укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, процессуальная воля истца направлена на признание договора транспортной экспедиции незаключенным. Подобные ситуации возникают, как правило, когда между сторонами был подписан договор транспортной экспедиции, но по мнению клиента (истца) сторонами не согласованы существенные условия договора транспортной экспедиции или имеются иные пороки, влекущие его незаключенность.

Соответственно, заявляются иски о признании договора транспортной экспедиции незаключенным, о взыскании неосновательного обогащения, о взыскании процентов за пользование чужими денеж-

ными средствами (если их взыскание возможно в данном случае с учетом п. 4 ст. 395 ГК РФ), об обязанности возвратить имущество.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (договор признают незаключенным), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если истец докажет отсутствие согласования предмета договора (конкретного вида (видов) оказываемой услуги, связанной с перевозкой груза).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении* искового заявления (отказа в признании договора незаключенным), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, истец не докажет, что стороны не согласовали предмет договора (конкретный вид (виды) оказываемой услуги, связанной с перевозкой груза);

Во-вторых, ответчик докажет, что истец (клиент) реально исполнял договор.

6. Группа исковых заявлений, вызванных ситуациями, в которых клиент (истец) считает, что договор транспортной экспедиции по тем или иным причинам является недействительным.

В шестой укрупненной категории наиболее часто встречающихся в новейшей арбитражной практике судебных споров, вытекающих из договорных отношений по поводу транспортной экспедиции, инициированных стороной клиента, как показало проведенное исследование судебной практики, как правило, процессуальная воля истца направлена на признание договора транспортной экспедиции недействительным. Подобные ситуации возникают, как правило, когда между сторонами был подписан договор транспортной экспедиции, но клиент считает указанный договор недействительным полностью или в части.

Соответственно, в исковом заявлении выдвигаются требования о признании договора транспортной экспедиции недействительным полностью или в части, о взыскании неосновательного обогащения.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового

заявления (договор признают недействительным), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если: истцом будет доказан факт несоответствия условий договора требованиям действующего законодательства (например, договор является мнимым и т.п.).

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора, при котором произойдет *отказ в удовлетворении* искового заявления (отказа в признании договора недействительным), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если:

Во-первых, ответчиком (экспедитором) будет доказано, что сами по себе спорные условия договора не противоречат законодательству, при этом в момент заключения договора Клиент не возражал против конкретных условий договора;

Во-вторых, ответчиком (экспедитором) будет доказано, что в действиях истца (клиента) имеются признаки злоупотребления правом, так как поведение истца (клиента) давало ответчику (экспедитору) основание полагаться на действительность сделки.

В заключение статьи её автор считает возможным сформулировать ряд практических рекомендаций для обеих сторон по делу.

1. Стороне истца следует понимать и помнить, что судя по судебной практике, противная сторона (ответчик) практически всегда не применит воспользоваться своим правом на подачу встречного иска со встречным требованием *о взыскании задолженности по договору транспортной экспедиции*.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора — подачи встречного иска со стороны ответчика, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (задолженность взыщут), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если экспедитор как ответчик по основному исковому заявлению и истец по встречному исковому заявлению:

Во-первых, докажет, что услуги были оказаны в соответствии с условиями договора;

Во-вторых, докажет факт размер задолженности.

2. Стороне истца следует понимать и помнить, что судя по судебной практике, противная сторона (ответчик) практически всегда не применит

воспользоваться своим правом на подачу встречного иска со встречным требованием *о признании договора незаключенным*.

Сценарий процессуального развития рассматриваемой подкатегории судебного спора — подачи встречного иска со стороны ответчика, при котором произойдет *полное удовлетворение* искового заявления (договор признают незаключенным), будет являться наиболее вероятным в той ситуации и при том условии, когда и если экспедитор как ответчик по основному исковому заявлению и истец по встречному исковому заявлению докажет отсутствие согласования предмета договора (конкретного вида (видов) оказываемой услуги, связанной с перевозкой груза).

3. В указанной части, как представляется, обеим сторонам полезно было бы знать и помнить, что в подобных рассматриваемым спорах размер убытков при повреждении (порче) груза с объявлением ценности обычно принимается в размере суммы понижения объявленной ценности, а при невозможности восстановления поврежденного груза — в размере объявленной ценности. Размер убытков при повреждении (порче) груза без объявления ценности принимается в размере суммы понижения документально подтвержденной стоимости груза, а при невозможности восстановления поврежденного груза — в размере документально подтвержденной стоимости груза. В убытки также включается сумма упущенной выгоды.

Таким образом, автор настоящей статьи выражает надежду на то, что полученных в ходе представленного исследования данные и новые знания, касающиеся прикладных вопросов процессуального характера будут практически полезными и смогут иметь реальную практическую востребованность у субъектов финансово-экономической и хозяйственной деятельности, участвующих в правоотношениях, вытекающих из договора транспортной экспедиции, как на досудебной, так и на предсудебной и судебной стадиях.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федеральный закон от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ // Российская газета. 2003. № 128. 3 июля.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2022 № 304-ЭС21–25713 по делу № А45–18600/2020. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.12.2017 № Ф01–5505/2017 по делу № А43–19651/2016 по делу № А19–7572/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13.02.2020 № Ф02–7383/2019 по делу № А33–36008/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.06.2018 № Ф03–1861/2018 по делу № А51–12260/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.03.2022 № Ф04–8548/2021 по делу № А46–5780/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.12.2021 № Ф05–28963/2021 по делу № А40–70491/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.06.2019 № Ф06–48187/2019 по делу № А49–9493/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.08.2021 № Ф07–10643/2021 по делу № А13–5791/2020. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.12.2021 № Ф08–12964/2021 по делу № А63–18665/2020. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.12.2019 № Ф09–7588/19 по делу № А76–5580/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

13. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.07.2019 № Ф10–2864/2019 по делу № А68–4658/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
14. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11.07.2019 № 02АП-4299/2019 по делу № А82–17337/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2019 № 09АП-49609/2019 по делу № А40–99678/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2019 № 01АП-5655/2019 по делу № А43–6320/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
17. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.01.2018 № 07АП-11260/2017 по делу № А45–2123/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
18. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2018 № 13АП-3550/2018 по делу № А56–37626/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
19. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 05.06.2019 № 04АП-1919/2019 по делу № А78–8795/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
20. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 17.09.2018 по делу № А56–35648/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
21. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 30.11.2015 по делу № А32–6288/2014. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
22. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 16.10.2018 по делу № А76–10784/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

УДК 34

Изменение дееспособности граждан как фактор, влияющий на участие в гражданских отношениях

Быкова Вероника Романовна

магистр Юридического института Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Научный руководитель **Ананьев Андрей Геннадьевич**

кандидат юридических наук, доцент Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

***Аннотация:** Статья посвящена аспектам и положениям дееспособности граждан. Рассматриваются основные факторы влияющие на изменение дееспособности, анализируются причины и последствия ограничения дееспособности. Особое внимание уделяется ограничению дееспособности.*

***Abstract:** The article is devoted to the aspects and provisions of the legal capacity of citizens. The article considers the main factors influencing the change of legal capacity, analyzes the causes and consequences of limitation of legal capacity. Special attention is paid to the restriction of legal capacity.*

***Ключевые слова:** дееспособность, ограничение дееспособности, последствия ограничения дееспособности, влияющие на участие в гражданских отношениях.*

***Keywords:** legal capacity, restriction of legal capacity, consequences of restriction of legal capacity affecting participation in civil relations.*

.....

Федеральный законодатель подробно определил критерии, которые могут являться основанием для ограничения дееспособности в статье 30 Гражданского кодекса Российской Федерации и разделил их на две основные группы. [2]

В первом случае гражданин может быть ограничен в дееспособности в случае, если он ставит свою семью в тяжелое материальное положение вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами.

Во втором случае ограничение гражданской дееспособности может произойти, если гражданин не может самостоятельно, без помощи помощника, понимать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства. Неспособность лица понимать значение своих действий и руководить ими вовсе, влечет признание за данным гражданином недееспособности. [1]

Ограничение дееспособности граждан может оказать существенное влияние на их участие в гражданских правоотношениях. Например, лица, признанные недееспособными или ограниченно дееспособными, могут иметь ограничения в праве заключать сделки или участвовать в некоторых правовых актах. Эти ограничения могут быть установлены законом или судом с целью защиты интересов таких лиц, особенно если они не могут полностью осознавать последствия своих действий. В таких случаях требуется участие законных представителей или опекунов, чтобы действовать от их имени.

Для более подробного понимания влияния ограничения дееспособности на участие в гражданских правоотношениях, можно рассмотреть следующие аспекты:

- Ограничение права на заключение сделок: Лица с ограниченной дееспособностью могут иметь ограничения в праве заключать определенные виды сделок, например, недвижимость или крупные финансовые сделки. Это может повлиять на их способность участвовать в сделках, которые могли бы быть важными для их будущего.
- Защита интересов: Ограничение дееспособности таких граждан может служить защитой их интересов от возможных недобросовестных действий со стороны других лиц. Это особенно важно в случае лиц, страдающих от психических или умственных нарушений.
- Участие законных представителей: В случаях ограниченной дееспособности, законные представители (например, родители или опекуны) могут принимать решения от имени этих лиц. Это означает, что участие в гражданских правоотношениях будет зависеть от действий и решений этих представителей.
- Соблюдение закона: Ограничение дееспособности также обязывает другие лица и организации соблюдать законы и правила, связанные

с такими гражданами, чтобы избежать неправомерных действий или исключить возможность злоупотребления их положением.

Итак, ограничение дееспособности граждан является важным аспектом гражданского права, направленным на балансировку прав и интересов лиц с ограниченной способностью принимать самостоятельные решения и обеспечение их защиты.

Продолжим обсуждение влияния ограничения дееспособности на участие в гражданских правоотношениях:

- **Последствия для обязательств:** Когда гражданин с ограниченной дееспособностью заключает сделку, важно учитывать, что она может быть признана недействительной или подлежать отмене, если позднее станет ясно, что этот человек не мог полностью осознать свои действия. Это может оказать влияние на стороны сделки и их права.
- **Ответственность сторон:** В случае участия гражданина с ограниченной дееспособностью в сделке, стороны сделки могут нести дополнительную ответственность за соблюдение закона и защиту интересов этого гражданина. Нарушение прав и интересов лиц с ограниченной дееспособностью может привести к правовым последствиям. [3]
- **Роль суда и органов опеки:** Во многих случаях суды и органы опеки имеют важную роль в решении вопросов, связанных с ограничением дееспособности. Они могут определять, какие решения могут быть приняты лицами с ограниченной дееспособностью и назначать опекунов, чтобы представлять их интересы. [4]
- **Развитие гражданского права:** Гражданское право постоянно развивается, и законы могут меняться, чтобы лучше учитывать интересы граждан с ограниченной дееспособностью. Это может включать в себя более точные определения дееспособности и процедуры защиты интересов таких граждан.

В целом, ограничение дееспособности граждан играет важную роль в гражданском праве, способствуя соблюдению законов, защите интересов уязвимых граждан и поддержанию справедливости в гражданских правоотношениях.

Продолжим обсуждение ограничения дееспособности и меры законодательного воздействия по нивелированию положения граждан с ограниченной дееспособностью в обществе:

- Обучение и реабилитация: В некоторых случаях ограничение дееспособности может быть временным, и лица могут подвергаться обучению и реабилитации с целью восстановления полной дееспособности. Это важный аспект поддержки и социальной интеграции.
- Гарантии прав: Законы и международные стандарты обязывают государства обеспечивать гражданам с ограниченной дееспособностью равные права и возможности.
- Это включает в себя доступ к юридической помощи и механизмы защиты их прав.
- Современные технологии: Современные технологии, такие как ассистивные устройства и программное обеспечение, могут улучшить возможности граждан с ограниченной дееспособностью для участия в гражданских правоотношениях. Это может включать в себя доступ к информации и общению.
- Социальная поддержка: Семья, общество и государство могут предоставлять социальную поддержку лицам с ограниченной дееспособностью, чтобы помочь им справляться с жизненными ситуациями и участвовать в гражданских правоотношениях.
- Развитие инклюзивного общества: Стремление к инклюзивному обществу подразумевает создание условий, при которых все граждане могут участвовать в полной мере в гражданских правоотношениях, независимо от своей дееспособности.
- Защита от дискриминации: Законы о защите прав человека запрещают дискриминацию на основе дееспособности. Это обеспечивает дополнительные гарантии для лиц с ограниченной дееспособностью.

Таким образом, ограничение дееспособности граждан — это сложный правовой и социальный аспект, который требует балансировки между защитой интересов уязвимых граждан и обеспечением их участия в гражданских правоотношениях в максимально возможной степени.

- Роль медицинских экспертов: Оценка дееспособности часто включает в себя медицинские экспертизы, где специалисты могут определить уровень ограничения дееспособности и его природу. Эти эксперты могут давать рекомендации судам и органам опеки при принятии решений.

- Законодательные различия: Правила и стандарты, регулирующие ограничение дееспособности, могут различаться в разных странах. Это связано с культурными, правовыми и социальными различиями.
- Участие в политике: Для лиц с ограниченной дееспособностью важно обеспечивать их возможность участвовать в политической жизни, в том числе через голосование и кандидатствование на выборные должности.
- Образование и трудоустройство: Поддержка в области образования и трудоустройства является ключевым фактором для участия граждан с ограниченной дееспособностью в обществе.
- Публичное мнение и осведомленность: Осведомленность общества о вопросах, связанных с ограничением дееспособности, и публичное мнение могут оказывать влияние на развитие законодательства и практик в этой области.
- Развитие современных решений: Современные общества стремятся к поиску инновационных решений, таких как цифровые и технологические средства, чтобы сделать участие граждан с ограниченной дееспособностью более доступным и комфортным.

Все эти аспекты важны для обеспечения равенства прав и возможностей для граждан с ограниченной дееспособностью и их полного участия в гражданских правоотношениях

Международные договоры и конвенции: Многие страны ратифицировали международные договоры и конвенции, которые обязывают их соблюдать и защищать права граждан с ограниченной дееспособностью. Эти международные соглашения могут повысить стандарты защиты прав и участия таких лиц.

Общественное просвещение: Образование и информирование общества о правах и потребностях граждан с ограниченной дееспособностью способствуют созданию более инклюзивной среды и борьбе с негативными стереотипами.

Гуманитарные кризисы и беженцы: Граждане с ограниченной дееспособностью, сталкивающиеся с гуманитарными кризисами или становящиеся беженцами, могут оказаться в особо уязвимом положении. Международное сообщество и государства должны обеспечивать их защиту и поддержку.

Активизм и организации: Множество общественных организаций и активистских групп по всему миру работают над защитой прав и интересов граждан с ограниченной дееспособностью и их участием в общественной жизни.

Научные исследования и инновации: Научные исследования и инновации в медицине, реабилитации и технологии могут способствовать улучшению качества жизни и возможностей участия граждан с ограниченной дееспособностью.

В итоге, создание справедливой и инклюзивной общественной среды, где граждане с ограниченной дееспособностью могут полноценно участвовать в гражданских правоотношениях, является важным заданием для правительства, общества и международного сообщества.

Список литературы

1. Кириченко О. В. Ограничение дееспособности гражданина в связи с психическим расстройством // Современное право. 2014. N 2. С. 93–98.
2. Суханова Э. П., Дееспособность и правоспособность гражданина. Символ науки, 2018.— № 4. — С. 69–71.
3. Сыч Д. В. Ограничение и лишение дееспособности: понятие и последствия. 113 Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» № 12, 2020. — С. 99.
4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 N 25 // Интернет портал «Российской газеты» (дата обращения 25.02.2021).

УДК 34

Гражданско-правовая дееспособность как одна из характеристик правового статуса личности

Быкова Вероника Романовна

магистр Юридического института Рязанского государственного университета
имени С. А. Есенина

Научный руководитель **Ананьев Андрей Геннадьевич**

кандидат юридических наук, доцент Рязанского государственного университета
имени С. А. Есенина.

***Аннотация:** Статья посвящена дееспособности граждан как фактору, влияющему на правовой статус личности.*

В статье рассматриваются основные факторы влияющие на статус личности, анализируются последствия ограничения дееспособности для личности гражданина.

***Abstract:** The article is devoted to the capacity of citizens as a factor influencing the legal status of a person.*

The article considers the main factors influencing the status of a person, analyzes the consequences of the restriction of legal capacity for a citizen's personality.

***Ключевые слова:** дееспособность, ограничение дееспособности, последствия ограничения дееспособности, влияющие на гражданско-правовой статус личности.*

***Keywords:** legal capacity, restriction of legal capacity, consequences of restriction of legal capacity affecting the civil legal status of an individual.*

.....

Гражданско-правовая дееспособность является важной характеристикой правового статуса личности и влияет на положение человека в обществе и формирует его правовой статус. Правовой статус личности определяет ее положение в обществе, а гражданско-правовая дееспособность играет ключевую роль в регулировании ее прав и обязанностей.

Дееспособность — это способность лица совершать юридически значимые действия, то есть иметь правоспособность и реализовывать ее через свои собственные действия. Дееспособность бывает полной и ограниченной.

Полная гражданско-правовая дееспособность:

Лицо признается способным к совершению всех видов гражданско-правовых сделок. Обладание полной дееспособностью предполагает, что личность может самостоятельно и свободно распоряжаться своими правами и обязанностями.

Ограниченная гражданско-правовая дееспособность:

Лицо способно к совершению только определенных видов сделок или совершает их с ограничениями. Ограничение может быть установлено законом или судебным решением.

Влияние дееспособности на статус личности

Правовая ответственность:

Дееспособность обеспечивает гражданам возможность нести ответственность за свои действия. Недееспособные лица могут оказаться под опекой или попечительством, что существенно влияет на их статус.

Ограничение дееспособности имеет разные правовые последствия для гражданина, в зависимости от того, по каким основаниям его ограничили в дееспособности, а законодатель, по мнению Е. В. Богданова попробовал уровнять в правах граждан ограниченно дееспособных и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. [4]

Участие в гражданских правоотношениях:

Дееспособность позволяет личности участвовать в гражданских отношениях, заключать договоры, совершать сделки и иметь имущество, нести обязанности. Это существенно для формирования социального статуса.

Гражданские и политические права:

Дееспособность связана с осуществлением гражданских и политических прав. Граждане, признанные дееспособными, могут активно участвовать в общественной жизни, в том числе в выборах и общественных инициативах.

Ограничение дееспособности и статус личности

Недееспособность по возрасту:

В силу определенного возраста граждане ограничены в дееспособности, это влияет на их социальный статус и порождает необходимость в опеке со стороны взрослых дееспособных.

Ограничение дееспособности из-за психических состояний:

Лица с определенными психическими проблемами могут быть признаны недееспособными. Это влечет за собой ограничения в правах и влияет на социальный статус. В случае же, когда ограничение дееспособности гражданина произошло вследствие наличия у него психического расстройства, над ним также устанавливается попечительство. Такой гражданин совершает сделки с согласия попечителя, за исключением мелких бытовых сделок [4], а также сохраняет право на распоряжение заработком и иными доходами с согласия попечителя.

Рассматривая институт ограничения дееспособности, мы видим существенную проблему в реализации правовых последствий ограничения дееспособности, так как эта реализация возможна только в судебном порядке. То есть в силу того, что сведения об ограничении дееспособности на сегодня не заносятся в специализированные базы данных, лица, к которым обращаются граждане, ограниченные в дееспособности, не имеют возможности проверить их дееспособность достоверно в момент совершения сделки.

Например, в соответствии со статьей 43 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [2] нотариус обязан проверить дееспособность гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия. Так как нормативно-правовые акты не содержат информации о проверке дееспособности граждан, нотариус удостоверяется в дееспособности гражданина только на основании внутреннего убеждения, которое формируется у него в ходе общения с гражданином и разъяснения сути и правовых последствий совершения нотариального действия. Впоследствии, если выяснится, что гражданин был ранее ограничен в дееспособности, отменить сделку будет возможно только на основании решения суда, как нами было рассмотрено ранее.

При решении суда об ограничении дееспособности гражданина, указанное решение может быть отменено в будущем в соответствии со статьей 286 ГПК РФ на основании заявления самого гражданина, его представителя, члена его семьи, попечителя, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначен-

ной для лиц, страдающих психическими расстройствами. В случае отмены ограничения дееспособности по решению суда, попечительство над гражданином, как и иные правовые последствия ограничения дееспособности, прекращается.

Сделки, которые могут быть совершены самостоятельно:

Не смотря на ограничение дееспособности, лица, ограниченные в своей дееспособности, могут самостоятельно совершать некоторые сделки. В частности, они имеют право совершать простейшие сделки, которые не требуют значительных последствий или рисков. К таким сделкам могут относиться, например, повседневные покупки товаров небольшой стоимости, оформление договоров аренды нежилого помещения, а также сделки, связанные с получением образования или медицинским обслуживанием.

Сделки, для совершения которых требуется согласие опекуна или суда:

Однако, определенные категории сделок требуют согласия опекуна или суда для их совершения. К таким сделкам относятся, например, сделки с недвижимостью, продажа или ипотека которой требуют особого внимания и обеспечения защиты интересов ограниченного лица. Также, согласие опекуна или суда может потребоваться при совершении сделок, связанных с распоряжением имуществом, находящимся в собственности ограниченного лица, или сделок, которые могут повлечь за собой существенные правовые последствия или риски.

Ограничения в сфере гражданских прав:

Помимо ограничений в совершении сделок, лица, ограниченные в своей дееспособности, также могут иметь ограничения в других сферах гражданских прав. Например, им может быть запрещено вступать в брачные отношения или заключать договоры о защите авторских и смежных прав без согласия опекуна или суда. Такие ограничения вводятся для защиты интересов ограниченных лиц и имущества, а также для предотвращения возможных правовых рисков или нарушений прав третьих лиц.

Рассмотрев институт ограничения дееспособности физических лиц, мы подтвердили гипотезу о том, что любое изменение дееспособности физического лица неминуемо будет сказываться на его правосубъектности. Соответственно ограничение дееспособности является фактором, влияющим на участие гражданина в гражданских отношениях.

Также, в ходе рассмотрения указанного института нами сделан вывод о том, что любое изменение правосубъектности физического лица будет сказываться и на других лицах, с которыми гражданин вступил в гражданские отношения до момента ограничения дееспособности.

Таким образом, можно сказать, что дееспособность граждан является ключевым элементом и фактором в формировании статуса личности в обществе. Она определяет спектр прав и обязанностей граждан, оказывает влияние на участие в общественной жизни и формирует их общественный статус.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года. // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.02.2021).
2. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462–1) (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Е. В. Богданов. Правовое положение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства. Адвокат, 2013.— № 6. — С. 35.
4. Н. А. Рябинин, К. Ю. Казанцева. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. 2017. № 7. С. 53–60.

УДК 349.2

Категории «труд» и «работа», их значение для определения трудовой функции работника

Ильина Анастасия Александровна

студент магистерской программы Юридической школы
Дальневосточного федерального университета

***Аннотация:** Статья посвящена сравнительному анализу понятий «труд» и «работа», где было проведено соотношение между данными понятиями. Доказывается отсутствие достаточных оснований считать их синонимами, поскольку в отличие от труда, применение которого не всегда урегулировано законодательством (в т.ч., трудовым), работе всегда присущ правовой характер, что позволяет утверждать, что понятие «труд» шире, чем понятие «работа». Рассмотрены основные отличительные признаки понятий «труд», «работа». При анализе сущности трудовой функции работника выявлена роль трудовых обязанностей, а также предел, который устанавливает трудовая функция.*

***Abstract:** The article is devoted to a comparative analysis of the concepts of “labor” and “work”, where the correlation between these concepts was carried out. It is proved that there are no sufficient grounds to consider them as synonyms, because unlike labor, the application of which is not always regulated by legislation (including labor legislation), work is always of legal nature, which allows us to assert that the concept of “labor” is broader than the concept of “work”. The main distinguishing features of the concepts of “labor” and “work” are considered. In analyzing the essence of the labor function of an employee, the role of labor duties is revealed, as well as the limit that the labor function sets.*

***Ключевые слова:** труд, трудовой договор, трудовая функция, работа, трудовые обязанности, предмет трудового договора.*

***Keywords:** labor, employment contract, labor function, work, job responsibilities, subject of the employment contract.*

В Российской Федерации главным признаком труда является признак его свободы, где каждый человек может свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности, а также профессию. [1]

Анализируя признаки трудового договора, можно выявить, что именно он является одним из способов реализации права на труд. Как явление со-

циальной жизни людей, труд применяется во всех ее сферах. Человек находится и реализуется в социуме как личность, является его частью, находящейся в постоянной взаимосвязи с ним. Именно поэтому значение труда для становления и дальнейшего развития общества достаточно велико.

Функционирование общества невозможно представить без создания материальных и духовных благ для осуществления его жизнедеятельности. Тем самым именно труд является главным условием существования общества.

Трудовая функция — это работа по определенной должности, включенной в штатное расписание, профессии и специальности с указанием квалификации. [2]

Работа — это осуществление какой-либо деятельности человеком или функционирование механизма, т.е. определенное действие, итогом которой становится определенный о вещественный или нематериальный результат. [6, С. 78]

В составе трудового отношения круг обязанностей работника определяется указанием на его трудовую функцию.

Согласно статье 60 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) работодатель вправе требовать от работника выполнения только обусловленной трудовым договором работы.

В случае вступления человека в трудовое отношение предметом соглашения сторон будет выступать именно трудовая функция (работа по определенной должности, специальности, профессии, с указанием квалификации).

Анализируя состав трудовой функции, необходимо отметить наличие принципа определенности, который предполагает существование определенных критериев, которые связаны с характеристиками специальности, квалификации, должности либо конкретного вида поручаемой работы, иными словами будущему работнику в договорном порядке должно быть поставлено условие о конкретно поставленной работе, с учетом его специальности, квалификации, личных качеств.

Значение принципа определенности состоит в повышении личной ответственности работника за порученную работу, в укреплении трудовой дисциплины, а также в содействии росту производительности труда

и обеспечения контроля за использованием кадров в соответствии с их специальностью и квалификацией. Отсутствие признака определенности окажет влияние на возникновение бездействия лица с одной стороны, а также неправильную реакцию со стороны работодателя на возможное нарушение работником установленной трудовой дисциплины.

Трудовую функцию необходимо рассматривать как сложную структуру, состоящую из следующих элементов: профессии, должности, специальности или вида работы, характеристики труда работника, трудовых обязанностей работника.

В целях определения сущности трудовой функции необходимо обратить особое внимание на такое понятие как «трудовая обязанность».

Поскольку предмет трудового договора предполагает наличие взаимно обусловленных прав и обязанностей его сторон, трудовые обязанности работника необходимо рассматривать как нечто вторичное и производное от предмета трудового договора.

Так, на основе этого появляется возможность рассматривать трудовые обязанности совместно с трудовой функцией, как элемент трудовой функции, исключая при этом полное отождествление данных понятий.

По мнению Е. Б. Хохлова, в целях наиболее точного описания описываемого явления как трудовая функция, её необходимо рассматривать в качестве совокупности определенных признаков деятельности работника, а не как саму эту деятельность. [8, С. 98]

Тем самым «трудовые обязанности» являются производным от понятия «трудовая функция», поскольку при выполнении трудовой функции у работника возникает совокупность прав и обязанностей, перечисленных в ст. 21 ТК РФ, и что именно в процессе осуществления трудовой функции определяются конкретные трудовые обязанности работника.

Более того, в процессе постоянного совершенствования механизма производства и связанных с этим новых подходов работодателя к формированию труда исключается возможность максимальной конкретизации круга трудовых обязанностей работника. В данном случае необходимо согласиться с другим мнением и заметить, что речь должна идти о том, что трудовая функция определяет тот круг непосредственных трудовых обязанностей, которые работник должен будет исполнять.

Так, именно благодаря трудовой функции устанавливается предел, которыми ограничивается перечень трудовых обязанностей работника.

По результатам разграничения понятий «трудовой функции» и «трудо-вой обязанности» вытекает следующий проблемный вопрос, связанный с разграничением понятий «труд» и «работа», поскольку данные явления на практике очень часто отождествляются.

На первый взгляд возникает мысль о том, что понятие «труд» шире, понятия «работа».

Разные подходы к содержанию понятия «работа» можно проследить при проведении анализа положений Закон РФ от 19.04.1991 № 1032–1 (ред. от 19.11.2021) «О занятости населения в Российской Федерации», где в ст. 2 считаются занятыми граждане, выполняющие работу за вознаграждение как на условиях полного, так и неполного рабочего времени, за исключением общественных работ, а в ст. 1 занятостью признается деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход. Гипотеза ст. 10 вышеуказанного Закона устанавливает право граждан на профессиональную деятельность за пределами территории Российской Федерации, однако в диспозиции регламентируется право граждан на самостоятельный поиск работы и трудоустройство. То есть понятие «про-фессиональная деятельность» приравнивается к понятию «работа».

Характеризуя понятие «труд» необходимо указать, что именно он явля-ется основной функцией общественного развития, который в свою очередь имеет признак неотделимости от личности, который этот труд выполняет, а также который способствует развитию личностных качеств личности.

Так, труд невозможно представить в отрыве от представляющего его субъекта, то есть личности работника. Каким бы не был труд (коллектив-ным или индивидуальным) он всегда будет иметь единую цель — создание материальных и духовных благ как для самого субъекта, его выполняю-щего, так и для блага общества.

В свою очередь, в категории «работа» основной целью является удо-влетворение субъективных потребностей, направленных на обеспечение жизнедеятельности работника как структурной единицы коллектива. Не всегда при осуществлении работы будет присутствовать признак самоудо-

влетворения, поскольку работа является той необходимостью, на которую соглашается работник, направленной на удовлетворение жизненных потребностей.

К примеру, если раскрыть структурное строение коллективного труда, то можно подтвердить, что такой вид труда состоит из трудовых единиц — работников, где каждый выполняет именно свою работу, обусловленную индивидуальной трудовой функцией, которая в свою очередь объединяется в единый (коллективный) труд. В то же время работа всегда носит индивидуальный характер и по своему субъективному признаку всегда имеет признак персонифицированности.

В момент вступления в трудовые отношения (при заключении трудового договора) личность приобретает право на определенную работу, приобретает статус «работника» со всеми вытекающими из этого статуса гарантиями и последствиями, установленными законодательством.

Таким образом, квалифицирующий признак понятия «работа» вытекает из субъективного содержания самого этого понятия. В свою очередь труд как таковой не всегда регулируется трудовым законодательством, а в работе всегда присущ правовой характер, содержит в себе признаки наемного труда.

Таким образом, правовая категория «работа» содержит следующие признаки:

1. субъективность (приобретение личностью статуса работника);
2. уровню взаимоотношения сторон (наличие вертикальных отношений между работником и работодателем, выраженные в подчинении работника правилам, установленным у работодателя, не противоречащим законодательству)
3. правовое содержание — реализация в трудовых отношениях в наемном труде;
4. профессиональность — трудовая деятельность согласно профессии, должности и квалификации работника;
5. наличие индивидуального характера;
6. наличие регулярной оплаты труда.

В свою очередь категория труд обладает следующими признаками:

1. отсутствие признака субъективности (труд осуществляется в пользу другого лица).

2. реализуется путем заключения трудового договора;
3. личное выполнение трудовой функции (отсутствует признак коллективного труда);
4. работник непосредственно не влияет на факторы производства.

Таким образом, были рассмотрены такие категории, как «труд» и «работа», их значение для определения трудовой функции работника, их основные признаки, по которым можно провести разграничение сравниваемых категорий.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями, внесенным Федеральными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) // И. А. Воробьев, Н. М. Исаева, А. В. Кирилин и др.; под общ. ред. В. И. Шкатуллы. 6-е изд., перераб. М: Норма. 2019. 114 с.
4. Анисимов, А. Л. Трудовые отношения и трудовые споры // М.: Юстицинформ. 2018. 456 с.
5. Ершова Е.А., Очерedyкo В. П. Изменение трудовых правоотношений // Российское правосудие. 2020. № 11. С. 40–47.
6. Ершова Е. А. Сущность, источники и формы трудового права в Российской Федерации // М.: РАП. 2018. 452 с.
7. Миронов В. И. Трудовая функция работника // Трудовые споры. 2018. № 6. С. 45–46.
8. Хохлов Е. Б. Курс российского трудового права // Т. 3. Трудовой договор. СПб., 2017. 573 с.

УДК 349.2

Проблемные вопросы деятельности института трудовой функции

Ильина Анастасия Александровна

студент магистратуры Юридической школы
Дальневосточного федерального университета

***Аннотация:** Статья посвящена анализу недостатков института трудовой функции ввиду несовершенства законодательства в сфере труда, что приводит к ограничению прав работников. Выявлены проблемы, к примеру, неравенство сторон, нарушение прав работников, сложность защиты прав и несоответствие договорных условий реальным условиям труда, которые необходимо решать в рамках улучшения законодательных основ договорного регулирования в сфере труда. Установлено, что императивное регулирование института трудовой функции доминирует над договорным, что не всегда учитывает интересы работающих, в связи с чем исследованы основные формы проявления данной проблемы.*

***Abstract:** The article is devoted to the analysis of the shortcomings of the institute of labor function due to the imperfection of legislation in the field of labor, which leads to the restriction of workers' rights. The problems, for example, inequality of parties, violation of workers' rights, complexity of protection of rights and inconsistency of contractual terms with real labor conditions, which should be solved within the framework of improving the legislative basis of contractual regulation in the field of labor, are identified. It is established that the imperative regulation of the institute of labor function dominates over the contractual one, which does not always take into account the interests of workers. In this connection the main forms of manifestation of this problem are investigated.*

***Ключевые слова:** труд, трудовая функция, работа, трудовые обязанности, трудовое законодательство, трудовой договор.*

***Keywords:** labor, labor function, work, labor responsibilities, labor legislation, employment contract.*

В этой исследовательской работе особое внимание уделено вопросам специфики института трудовой функции в Российской Федерации. При взаимодействии государства с Международной организацией труда требуется создать условия для повышения эффективности реализации ключе-

вых правил, принципов, требований. В основе грамотного сотрудничества (в соответствие с установленными положениями российского законодательства) лежит воплощение в жизнь норм социальной защиты населения. При этом не стоит забывать, что благополучие граждан базируется на тонкой связи социального и экономического, а значит на возможностях трудоустройства в разных сферах общественных отношений. Согласие со всеми положениями программы сотрудничества Российской Федерации и Международной организации труда позволяет выйти на новый уровень развития, достигать поставленных ранее стратегических целей. Баланс важен в любой деятельности, ведь за счет него улучшаются внешние условия.

В результате совершенствуются все виды общественных отношений и обеспечивается социальная защита российских граждан в долгосрочной перспективе. Формируется благоприятная среда трудовой деятельности с целью продуктивного взаимодействия работников из разных отраслей. Условия жизни и благосостояние населения улучшаются, что влияет на все направления (политику, экономику, культуру). [9] Отдельно стоит выделить, что договорное урегулирование отношений в сфере труда в России имеет ряд проблем, связанных с неравенством сторон, нарушением прав работников, сложностью защиты прав и несоответствием договорных условий реальным условиям труда. [8, С. 109] Для их решения необходимо улучшение законодательства и контроля за его соблюдением.

Во-первых, существует проблема с несоблюдением работодателями прав и гарантий, предусмотренных трудовым законодательством. Например, работодатель может не выплачивать заработную плату в полном объеме, не предоставлять оплачиваемый отпуск или не обеспечивать безопасные условия труда. Также может возникать проблема с переводом работника на другую должность, снижением заработной платы или расторжением трудового договора без должных оснований.

Во-вторых, проблема связана со сложностью юридической защиты прав работников. Часто работник не знает своих прав и не имеет необходимых знаний и ресурсов для их защиты. Кроме того, юридические процедуры могут быть сложными и затратными, особенно для малообеспеченных работников. И, в-третьих, существует проблема несоответствия договорных условий реальным условиям труда. Например, работнику мо-

жет быть обещан определенный уровень заработной платы, но на практике это условие не реализуется в должной мере.

Институт трудовой функции испытывает недостатки из-за несовершенства законодательства в сфере труда, что приводит к ограничению прав работников. Императивное регулирование доминирует над договорным, что не всегда учитывает интересы работающих. Это проблема, которую нужно решать в рамках улучшения законодательных основ договорного регулирования в сфере труда. Эта проблема имеет следующие формы:

1. При применении трудового законодательства очень важно учитывать его задачи и цели. Необходимо быть внимательным к использованию нормативных актов, чтобы избежать сложностей в регулировании рабочих отношений.
2. Статья 9 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) не соответствует первоочередной задаче трудового законодательства — защите прав и свобод работников. Этот момент требует дополнительного внимания со стороны законодателей.
3. Несоответствие между целями и принципами ст. 1 и ст. 2, закрепленными в ТК РФ, вызывает проблемы в правовом регулировании трудовых и связанных с ними отношений.
4. Статья 244 ТК РФ нуждается в доработке. Она регулирует вопросы, касающиеся заключения письменных договоров о материальной ответственности работников, но требует уточнения и дополнения для более точной и четкой правовой рамки.
5. Ученический договор не является договором в полном смысле этого слова, так как его суть заключается в соглашении между учеником и учебным заведением об обучении в установленные сроки. Однако, в некоторых случаях, данный документ может содержать важные правовые обязательства для сторон.
6. В законе о труде РФ есть несоответствия между положениями ст. 419 и 91, 189 ТК РФ.

Выполнив всесторонний анализ разных форм, направлений указанной проблемы (с целью разработки эффективных методов ее решения), удалось выделить несколько результативных вариантов. Рассматриваются способы, за счет реализации которых можно добиться существенных изменений в долгосрочной перспективе. В первую очередь следует отметить отсут-

ствие точной трактовки целей и задач правового контроля трудовых процессов. Сейчас в российском законодательстве нет должного определения основных понятий. Также многие исследователи считают важной ошибкой несовершенство положений ст. 1 ТК РФ (которыми условно указаны цели трудового регулирования — установление государственных гарантий, создание благоприятной среды, защита прав и интересов работников, работодателей). Помимо этого, к ключевым задачам рассматриваемых нормативно-правовых и законодательных актов отнесены оценка правовых условий, их улучшение для достижения баланса интересов всех участников трудовых отношений (с акцентом на позицию государства в разных вопросах).

Важно понимать, что эта формулировка (указанная в положениях ст. 1 ТК РФ) является весьма субъективной. Это в свою очередь приводит к возникновению десятков неточностей и ошибок, проблем в регулировании трудовых отношений (так как есть вопрос к ориентации лишь на законодательный контроль или на дополнительные источники права). Отсутствие правильного регулирования трудовых связей, в том числе и отношений руководителей и работников, становится одной из основных проблем российского законодательства. Все чаще это негативно сказывается на оценке и реализации правил правоприменительной практики. Содержание указанной статьи ТК РФ предполагает, что цель формирования благоприятной среды для профессиональной деятельности, защиты прав и интересов разных групп сотрудников тесно связана с форматом договорного регулирования (а не этот процесс — это цель).

При этом важно отметить, что в положениях ст. 9 ТК РФ установлено следующее — урегулирование трудовых отношений в Российской Федерации может быть реализовано, за счет заключения или внесения изменений в содержание коллективных договоров, иных соглашений (при согласии работодателей и работников). При изучении актуальных данных по этому вопросу удалось сделать вывод, что отечественные исследователи придерживаются субъективной позиции. По их мнению, на первом месте находится именно договорное регулирование (из-за его уникальных особенностей, строгих требований). Благодаря использованию методов договорного контроля, можно добиться высоких результатов при обеспечении баланса интересов работников и работодателей, вне зависимости от типа

организации, формата профессиональной деятельности, сферы регулирования. Так, известный ученый К. А. Бондаренко придерживается мнения: «Одновременно с традиционными особенностями методов трудового права в современной среде важно учитывать ценность коллективного и индивидуального договорного регулирования трудовых связей». [3, С. 8]

Проведенный анализ положений российского законодательства по теме коллективных договоров, регулирования взаимоотношений работников и руководящего звена привел к единственно верному. [4] Следует внести изменения в ст. 1 ТК РФ, подчеркнув в ней роль и значение договорного регулирования. Относительно аспекта проблемы, связанного со ст. 1 и 9 ТК РФ (2-я форма проблемы), необходимо отметить, что на основании положений ст. 9 ТК РФ можно сделать вывод, что договорное регулирование распространяется на все виды отношений, входящих в предмет трудового права и закрепленных ст. 1 ТК РФ. В части третьей формы проблемы выявлено, что противоречие между ст. 1 ТК РФ «Цели и задачи трудового законодательства» и ст. 2 ТК РФ «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных отношений, непосредственно связанных с ними» заключается, в том, что правовое регулирование и законодательство соотносятся как общее и частное — источниками правового регулирования могут быть не только законы, но, например, акты социального партнерства. [1]

Недооценка положений статьи 244 ТК РФ заключается в том, что в соответствии со статьей 9 ТК РФ формами договорного регулирования являются: коллективный договор, соглашение или трудовой договор. Отсутствуют указания на договоры полной ответственности, которые, являются формой договорного регулирования. Автор этого исследования не согласен с позицией ученого Д. К. Кейзерова (который считает, что договорное регулирование имеет проблем в связи с фактом коллективной материальной ответственности). [5, С. 5] Необходимо рассматривать ученический договор как форму договорного регулирования в связи с тем, что работодатель, как юридическое лицо, (организация) вправе заключить ученический договор с соискателем или работником этой организации для получения образования без отрыва от производства или с перерывом в работе.

В качестве рекомендации необходимо внести в статью 9 ТК РФ положение о том, что договоры о полной материальной ответственности и уче-

нический договор являются формами договорного регулирования. Таким образом, были выявлены недостатки института трудовой функции. Доминирующее регулирование императивного характера в трудовом праве ограничивает ряд прав работников, переводя договорное регулирование на второй план. Выявлено, что в правовом регулировании трудовых отношений существует шесть видов проблем, а именно: неопределенность целей и задач этой сферы; конфликт положений ст. 9 ТК РФ с положениями ст. 1 ТК РФ; расхождение между ст. 1 и 2 ТК РФ; не уведомление о том, что договор об обучении является одной из форм договорного регулирования.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СЗ РФ.— 2002.— № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
2. Орловский Ю. П. 501 актуальных вопросов по Трудовому кодексу Российской Федерации: комментарии и разъяснения // М.. 2020. 456 с.
3. Бондаренко К. А. Договорное регулирование как особенность метода трудового права: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2019. с. 12.
4. Гумерова Э. Ф. Проблемы коллективно-договорного регулирования трудовых отношений: автореф. дис. ... к. ю. н. Казань. 2021. С. 15
5. Кейзеров Д. К. Материальная ответственность работников в условиях рыночной экономики современной России: некоторые проблемы теории и практики: автореф. дис. ... к. ю. н. Пермь. 2021. С. 10
6. Лушников М. В. Российское трудовое право в условиях инновационной экономики // — Ярославль, 2019. 120 с.
7. Миронов В. И. Трудовая функция работника // Трудовые споры. 2018. № 6. С. 45–46.
8. Репринцев Д. Д. Самозащита работниками трудовых прав // Трудовое право. 2019. № 3. С. 109–110.
9. Программа сотрудничества между Российской Федерацией и Международной организацией труда на 2017–2020 гг. (Принята в г. Москве 21.11.2016). [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/556323932> (дата обращения 01.07.2023).

УДК 347.71

Прокурорский надзор как гарант обеспечения законных прав субъектов предпринимательской деятельности

Харазия София Саидовна

студент магистратуры Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель **Анищенко Александр Владимирович**

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономических и финансовых
расследований Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова.

***Аннотация:** В настоящей статье рассматривается тематика прокурорского надзора в качестве гаранта обеспечения законных прав предпринимателей. Раскрывается прокурорский надзор и его суть. Обозначаются законные права субъектов предпринимательской деятельности и подчёркивается их роль для экономики.*

Далее отмечается, как именно прокурорский надзор способствует защите законных прав субъектов предпринимательской деятельности.

***Abstract:** This article considers the subject of prosecutor's supervision as a guarantor of ensuring the legal rights of entrepreneurs. Prosecutor's supervision and its essence are disclosed. The legal rights of business entities are outlined and their role for the economy is emphasized.*

Further it is noted how exactly the prosecutor's supervision contributes to the protection of the legal rights of business entities.

***Ключевые слова:** прокурор, прокурорский надзор, предприниматель предпринимательская деятельность, гарант, законные права.*

***Keywords:** prosecutor, prosecutorial supervision, entrepreneur entrepreneurial activity, guarantor, legal rights.*

Статья 34 Конституции Российской Федерации закрепляет, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Право на использование своих способностей для пред-

принимательской деятельности (далее — право на предпринимательскую деятельность) относится к числу основных конституционных прав и свобод человека и гражданина. По своей правовой природе оно представляет собой социально-экономическое конституционное право гражданина Российской Федерации, реализация которого, помимо Конституции Российской Федерации, обеспечивается рядом федеральных законов, комплексом подзаконных и ведомственных актов, а также законодательством субъектов Российской Федерации. [2]

В целях контроля обеспечения различных прав и исполнения законов осуществляется особый вид деятельности — прокурорский надзор.

Прокурорский надзор — это такая форма деятельности органов прокуратуры, которая нацелена на осуществление контроля за исполнением законов, прав и свобод человека на территории России, а также и на выявление и пресечение нарушений действующего законодательства РФ.

Это специфический вид государственной деятельности, который тесно связан с понятием законности. [6] Суть законности заключается в том, что недостаточно просто иметь развитую нормативно-правовую базу, регулирующую различные аспекты общественной жизни, требуется также обеспечивать её исполнение. Причём, речь идёт не просто об исполнении законов гражданами, но также и об исполнении законов органами государственной власти. Например, прокурорский контроль осуществляется за деятельностью таких органов как Следственный комитет или Федеральная служба безопасности.

Предмет прокурорского надзора как вида государственной деятельности — общественные отношения, на регулирование которых направлена деятельность прокурора.

В зависимости от отрасли могут выделяться разновидности прокурорского надзора. Определяющим признаком классификации прокурорского надзора выступает именно правовая отрасль, например:

- надзор за исполнением Конституции РФ, законов и соответствием новых нормативно-правовых актов законам. Это очень обширная разновидность прокурорского контроля, так что она делится на подотрасли;
- надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина — в рамках такого надзора может осуществляться контроль за деятельностью государственных органов или органов местного самоуправления;

- надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскные мероприятия;
- участие в рассмотрении дел судами.

В данной статье речь идёт о соблюдении законных прав субъектов предпринимательской деятельности. Следуя положениям статьи 34 Конституции РФ, делаем вывод, что такая тематика подпадает под права и свободы человека, поскольку, например, речь идёт о праве человека заниматься предпринимательством. Следовательно, в данном случае будет актуальна такая разновидность прокурорского контроля как контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Речь идёт о конкретных правах и свободах. Действующее российское законодательство устанавливает, что каждый гражданин имеет право вести предпринимательскую деятельность — в том числе, учреждать юридические структуры для её ведения, получать необходимые документы (при соблюдении формальных требований), обращаться в компетентные органы в случае возникновения нарушений их прав (одним из важнейших должностных лиц в этом аспекте является Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей). Разумеется, судебные органы власти также играют существенно важную роль, когда речь заходит о защите прав предпринимателей. При этом прокуратура в данном контексте рассматривается исследователями не очень часто.

Между тем, ежегодно органами прокуратуры предотвращается более 100 тысяч нарушений законодательства о защите прав экономических организаций. [1] Помимо пресечения нарушений прав предпринимателей, прокуратура также выполняет такие задачи, как:

- проверка соответствия законодательству РФ нормативно-правовых актов, принимаемых в сфере предпринимательства. Для примера — в период с 2012 по 2016 гг. вынесено порядка 65 тысяч прокурорских протестов, которые позволили привести такие акты в соответствие законодательству [4]
- направление исков в суд по факту свершившегося нарушения прав субъектов предпринимательской деятельности, либо по факту попытки их нарушения. В год таких исков подаётся приблизительно 2–3 тысячи. Нередко иски подают и сами пострадавшие;

- вынесение представлений. Прокуратура, по итогам исследования материалов какого-либо дела, выявляет нарушения и выносит стороне, их допустившей, представление об устранении правонарушений. Сторона обязана устранить нарушения в обозначенный в представлении срок, иначе она столкнётся с соответствующими правовыми последствиями — например, прокурор может подать иск в суд в ответ на неисполнение представления;
- привлечение нарушителей законных прав предпринимателей к дисциплинарной, административной, а также уголовной ответственности. Ежегодно к ответственности привлекается порядка 10 тысяч нарушителей. Все статистические данные приведены в целом по России. [1; 3]

Можно задаться справедливым вопросом — почему именно прокурорский надзор назван гарантом соблюдения прав предпринимателей? В России достаточно органов, ответственных за развитие и поддержку предпринимательства (Минэкономразвития России или всё тот же Уполномоченный по правам предпринимателей), а если права предпринимателей нарушаются или находятся под угрозой — тогда они могут обратиться в суд или в правоохранительные органы.

Разумеется, всё вышеуказанное справедливо. Однако, следует учесть, что прокурорский надзор — специфический государственный институт, который наделен определенными полномочиями и функционалом, делающим его крайне существенным в контексте гарантирования прав субъекта предпринимательской деятельности. В то числе, у прокурорского надзора, во-первых, есть очень важная функция контроля нормотворчества. Прокуратура вправе проверять нормативно-правовые акты на соответствие нормам действующего законодательства ещё до принятия этих актов. Таким образом, обеспечивается предотвращение возможного нарушения прав предпринимателей. Более того, обеспечивается формирование благоприятной нормативно-правовой среды. Нормативно-правовая среда — важный институциональный элемент для развития предпринимательства. Законы должны работать таким образом, чтобы благоприятствовать инициативным, экономически активным людям, поскольку такие люди вносят существенный вклад в развитие инноваций, рост качества услуг и в экономическое развитие в целом. Выполняя функцию надзора

за развитием нормативно-правовой базы, в том числе, регулирующей предпринимательскую деятельность, прокуратура обеспечивает стабильное и предсказуемое развитие законодательства страны. Благодаря этому, у предпринимателей появляется столь необходимая им уверенность в завтрашнем дне — прокурорский надзор способствует справедливому, предсказуемому, стабильному и согласованному развитию законодательства страны.

Во-вторых, прокурорский надзор важен в контексте контроля деятельности органов государственной, региональной и муниципальной власти. Субъекты предпринимательской деятельности, в силу специфики своей экономической активности, часто взаимодействуют с такими органами. Например, предпринимателю требуется получение лицензии на определенные виды деятельности, или же предприниматель уплачивает налоги со своей деятельности, или же ему просто необходимо зарегистрировать юридическое лицо. Все эти случаи обязательно требуют взаимодействия с государственными органами, и это лишь несколько примеров, когда такое взаимодействие необходимо. На разных этапах может иметь место нарушение законных прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности. Прокурорский надзор важен тем, что помогает выявить такие случаи, урегулировать их, предотвратить возникновение несправедливых практик по отношению к предпринимательству со стороны органов власти. Прокурорское представление является эффективным и быстрым инструментом восстановления законных прав и интересов предпринимателя, если таковые права и интересы были нарушены. [5] В какой-то степени, обращение в прокуратуру и последующее представление прокурора — это способ защиты своих прав для предпринимателя, представляющий альтернативу обращению в судебные органы. Насколько эта альтернатива эффективнее обращения в суд — сложный вопрос, ответ на который может зависеть от конкретной ситуации.

Прокурорский надзор также может осуществляться в отношении законности действий того или иного органа, занимающегося внеплановыми проверками малого и среднего бизнеса. Асвойнов Д.А., Халиулин А.Г. отмечают расширение полномочий прокуроров по согласованию плановых и внеплановых проверок субъектов предпринимательской деятельности

со стороны органов государственного контроля. [1] Это может выступать ещё одним важным фактором обеспечения прав предпринимателей со стороны органов прокуратуры.

Резюмируя, подчеркнём, что прокурорский надзор — существенный инструмент, являющийся, несомненно, одним из гарантов обеспечения прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности. Эти права и свободы закреплены и гарантированы законодательством РФ как неотъемлемые права человека. Контроль соблюдения этих прав — одно из важных направлений деятельности прокуратуры.

Прокурорский надзор, располагая достаточно обширными полномочиями, способен не только восстанавливать нарушенные права предпринимателя постфактум, но и предотвращать случаи их нарушения. Важно также и то, что прокуратура наделена полномочиями по контролю за деятельностью государственных, региональных и муниципальных органов власти, в том числе, и тех, что отвечают за взаимодействие с предпринимателями.

Список литературы

1. Асвойнов Д.А., Халиулин А. Г. Прокурорский надзор как Гарант юридической защиты в сфере предпринимательской деятельности // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. № 1 (46). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-kak-garant-yuridicheskoy-zaschity-v-sfere-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 21.12.2023).
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).
3. Мариничева А. Ю. Прокурорский надзор за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности // Уголовная юстиция. 2019. № 13. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-zakonnostyu-obespecheniya-predprinimatelstva-i-soblyudeniem-prav-subektov-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 21.12.2023).

4. Соловьев А. А. Практика прокурорского надзора в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности и меры, направленные на улучшение его эффективности // Безопасность бизнеса.— 2016.— № 2. -С. 5–10.
5. Статья 24. Представление прокурора. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202–1 (ред. от 24.07.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/c187f0c8537bc35893fddd75ab4f351eae550bc/ (дата обращения: 21.12.2023).
6. Тагирова Д. Т., Сулейманов В. Г. Прокурорский надзор в Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.12.2023).

УДК 34

Особенности разграничения полномочий между органами публичной власти в сфере регулирования земельных правоотношений в Российской Федерации

Успенский Сергей Александрович

магистрант Академии управления МВД России;
начальник тыла УМВД России по г. Сургуту

***Аннотация:** В работе исследуются вопросы распределения полномочий между различными государственными органами, ответственными за управление земельными отношениями в России. Автор анализирует законодательные акты, судебную практику, направленные на определение компетенции органов власти в данной сфере. Статья также рассматривает возможные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются органы при осуществлении своих функций, а также предлагает практические рекомендации для совершенствования системы разграничения полномочий в сфере земельных отношений.*

***Abstract:** The paper examines the issues of distribution of powers between different state bodies responsible for the management of land relations in Russia. The author analyzes legislative*

acts, judicial practice aimed at determining the competence of authorities in this sphere. The article also considers possible problems and challenges faced by the bodies in the exercise of their functions, and offers practical recommendations for improving the system of delimitation of powers in the sphere of land relations.

Ключевые слова: *разграничение полномочий, органы публичной власти, регулирование земельных правоотношений, эффективность механизмов управления.*

Keywords: *separation of powers, public authorities, regulation of land relations, effectiveness of management mechanisms.*

Разграничение полномочий между органами публичной власти в сфере земельных отношений представляет собой сложный и важный аспект организации государственного управления. В Российской Федерации данный вопрос регулируется Земельным кодексом РФ, а также иными нормативными актами и подвергается толкованию в судебной практике.

Но всё же существуют противоречия в сфере разграничения этих полномочий между федеральными и региональными органами власти, несмотря на закреплённые конституционные принципы. Некоторые специалисты высказывают мнение о том, что предотвратить возможные злоупотребления в рассматриваемом аспекте поможет более жесткое разграничение. Однако другие аспекты судебной практики и теоретические подходы указывают на то, что совместное ведение может служить легализации сложившихся отношений и отражать специфику государственного устройства России.

Конституция Российской Федерации, в частности, часть 3 статьи 72, определяет земельные вопросы как предмет совместного ведения России и её субъектов [1, ст. 72]. Исходя из этого положения Конституционным Судом РФ выносились решения, подчеркивающее право субъектов Российской Федерации самостоятельно принимать нормативные акты, регламентирующие вопросы собственного ведения. Что и является непосредственным примером взаимодействия законодательной базы и судебной практики.

Согласно норме, содержащейся в статье 71 Конституции РФ, гражданское законодательство находится в исключительном ведении Федерации,

тогда как в п. «к» ч. 1 статьи 72 Конституции РФ в совместном ведении Федерации и её субъектов находится земельное законодательство. В отношении земельных участков, согласно Земельному кодексу РФ, выделяются такие правомочия как: владение, пользование и распоряжение [1, ст. 72]. Однако, немаловажным является тот факт, что рассматриваемая нами сфера может регулироваться гражданским законодательством, кроме исключительных случаев. К этим исключительным случаям можно отнести регламентацию Водным кодексом РФ, Лесным Кодексом РФ, Земельным Кодексом РФ и иными НПА. Опираясь на вышеуказанное, можно сделать вывод, что регулирование сферы первоочередно осуществляется нормами гражданского права.

Решая данную проблему, Маковский А.Л. безоговорочно предпочтительнее отдавал «отраслевому» законодательству. Дозорцев В.А. в своих трудах еще в 90-е годы писал о том, что относить гражданское законодательство к совместной компетенции Федерации и субъектов неверно, поскольку такое рассмотрение возможно лишь в рамках комплексных отраслей административного, жилищного и земельного права в том числе.

Совершенно иная точка зрения по вопросам ведения Федерации и её субъектов представлена в работах Гаджиева. По его мнению законодатель разграничение предметов ведения выделил в рамках нормативных актов, в связи с самостоятельным существованием норм права. Вследствие чего стоит отметить, что в только рамках ведения Федерации находятся кодифицированные гражданские законодательные акты, которые в свою очередь не исключают возможность субъектов РФ издавать гражданские правовые нормы, которые бы не противоречили федеральному законодательству, например, в сфере экономических правоотношений [9, с. 92].

Эйриян Г.Н. в отношении ст. 72 Конституции РФ, а именно ч. 1 п. «в», где указано, что владение, пользование и распоряжение землёй находятся в совместном ведении России и её субъектов, высказал своё мнение. Автор указал на то, что действия в отношении земли недопустимо рассматривать как в рамках земельных, так и гражданских правоотношений. Следовательно, анализируя мнения авторов, можно сделать вывод, что земельные правоотношения, вне зависимости от того, как они регулируются, существуют в системе совместного ведения [14, с. 15].

Вопросы, связанные с разграничением полномочий органов публичной власти в сфере земельных правоотношений рассматриваются сегодня как теоретическая и практическая проблема, и связана она еще и с тем, что нет единого понятия к определению «совместное ведение». По мнению Чиркина В.Е. при разработке Конституции РФ в тексте закона была выбрана неудачная схема разграничения предметов ведения. Подтверждением тому является огромное количество нормативных правовых актов, которые раскрывают и дополняют норму основного закона государства. Автор положительно высказался в сторону системы при которой произойдет закрепления тех полномочий, которые будут находится лишь в ведении государства и тех, что будут отнесены исключительно к субъектам. Однако, Чиркин В.Е. уточнил, что при определенных обстоятельства Федерация могла бы осуществлять права и обязанности принадлежащие только субъектам РФ.

Таким образом, в решении вопросов, связанных с разграничением полномочий, существуют две самостоятельные составляющие — предмет ведения Федерации и предмет ведения субъектов Российской Федерации. На наш взгляд, данная позиция автора является не совсем целесообразной, поскольку в пределах единого государства жесткое разграничение невозможно и представленная на сегодняшний день модель в Конституции РФ, является достаточно логичной и обоснованной.

Стоит отметить, еще одно противоречие — в Конституции РФ указано, что принятие Федеральных законов по вопросам совместного ведения не связано с обязательностью согласования федеральных проектов, а в Федеративном договоре изложено обратное.

Здесь же следует подчеркнуть, что согласно ч. 1.2. ст. 17 Федерального закона «О ведении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» органы государственной власти субъектов РФ предполагалось самостоятельное перераспределение полномочий в сфере земельных отношений. В 2017, с начала действия новой редакции указанного закона, статья 3.3 стала регламентировать предоставление земельных участков, по которым не произошло разграничения предметов ведения (не определён статус собственности). Таким образом, органы местного самоуправления предоставляли участки в соответствии с их территориальными пределами.

В ходе аналитического разбора статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» выявляется сложность в разграничении полномочий по поводу распределения участков, статус которых не подлежит чёткому определению. В данный момент эти полномочия разделены между органами государственности власти и органами местного самоуправления, однако отсутствует регламентация передачи полномочий местным органам власти.

В теории права вопросам, рассматриваемым в работе, уделяли внимание многие авторы. Например, в результате анализа законодательства Галиновская Е.А. пришла к выводу, что в принцип совместного ведения, существующем в нашей стране, отсутствует конкретика. Здесь отсутствует выделение прав и обязанностей субъектов земельных правоотношений. В связи с чем даже судебная практика точного ответа по регулированию этих отношений. В качестве примера можно рассмотреть и тот факт, что за последние несколько лет субъекты РФ приняли достаточное количество нормативных правовых актов, регулирующих земельные правоотношения. Посредством такого законотворчества субъекты «устраняли» правовые пробелы федерального законодательства. А эта возможность была непосредственно предоставлена статьей 71 Конституции РФ, в связи с отсутствием ограничений в вопросах регулирования правоотношений о земле. Однако, в положения Земельного кодекса и в Федерального Закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» установлены конкретные полномочия органов публичной власти в рамках правового регулирования земельного фонда.

Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» статьей 44 определил компетенции органов власти при совместном ведении. А статьёй 45 данного ФЗ установил полномочия России по предметам как исключительного, так и совместного ведения. К тому же этой нормой существенно расширился перечень оснований (нормативных актов) разграничения полномочий.

По ч. 3 ст. 36 Конституции РФ условия и порядок пользования землёй осуществляются Федеральным законом. Тем не менее самого определения понятия «пользование» не существует, из-за чего законодательство в принципе не может раскрыть данную правовую норму. И как отмечают научные деятели проблема не решается по этой же причине.

Уже известный нам автор Г. Н. Эйриян под «пользованием» предлагал рассматривать абсолютно все имеющиеся права в отношении земли, таким образом составив общее понятие. По сути, с определением Г. Н. Эйрияна сложно не согласиться, поскольку ни в гражданском праве, ни в гражданском праве иного значения не предусмотрено. Лишь в отношении государства можно говорить о бессрочности понятия «пользование».

Если мы придерживаемся мнения о том, что пользование включает в себя весь спектр прав в отношении земли, то полномочия Федерации заключаются в том, чтобы установить этот перечень прав на землю, а так же указать ряд оснований, в результате которых возникают права на землю.

Судебная практика в данной сфере также оказывает существенное воздействие на разграничение полномочий. Например, Конституционный Суд РФ в своих решениях подчеркивал, что отсутствие федерального закона по предмету совместного ведения не лишает субъекты Федерации права принимать собственные нормативные акты в сфере земельных отношений. Это свидетельствует о необходимости балансировки интересов между федеральным и региональным уровнями власти.

Например, КС РФ было рассмотрено дело по запросу от Мурманской областной Думы, касающееся проверки конституционности Земельного кодекса РФ. По итогам дела, опираясь на статьи 71 и 72 Конституции РФ, устанавливающие разграничение предметов ведения между органами публичной власти, суд установил, что процесс принятия ЗК РФ соответствует порядку установленную Конституцией РФ, к тому же в рамках вопроса совместного ведения нет необходимости в предварительном направлении текста законопроекта субъектам РФ для рассмотрения.

Разграничение компетенции между Российской Федерацией и её субъектами в рамках нашей темы предусмотрено также рядом других нормативных правовых актов. Законы, принятые после введения Земельного кодекса Российской Федерации, рассматриваются уже не как простое правовое регулирование отдельных аспектов земельных отношений. А в данном случае решается важный вопрос о полномочиях региона в данной сфере.

Например, Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в ст. 5 устанавливает, что субъекты РФ не могут принимать законы, которые содержат допол-

нительные правила и ограничение оборота земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения. В то же время в законе очерчен круг вопросов, которые субъект РФ вправе решать самостоятельно. Как пример, это установление периода, с которого возможна приватизация земли сельскохозяйственного назначения.

В соответствии с частью 2 статьи 76 Конституции РФ субъекты России могут принимать свои НПА только на базе Федерального законодательства. По данному вопросу Эйрияна Г.Н. решение Конституционного Суда не соответствует статье 73 Конституции РФ, по которой субъекты обладают всей полнотой государственной власти по предмету исключительного ведения.

Исходя из анализа всей работы, абсолютно ясно, что разграничение полномочий между органами публичной власти в сфере регулирования земельных правоотношений в Российской Федерации всё также остаётся актуальной проблемой. И данный вопрос требует внимательного рассмотрения не только со стороны законодателя, но в рамках судебной практики. Ключевыми этапами в решении этой проблемы являются, во-первых, разработка и совершенствование нормативных актов, которые учитывают специфику рассматриваемой области, а, во-вторых, чёткая регламентация взаимодействия между органами публичной власти.

Законодатель, в силу своих полномочий по установлению исключительных прав Федерации на управление землей, определенных в части 3 статьи 36 Конституции РФ, стремится достичь баланса между регулированием, с одной стороны, Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации — с другой. Передача различных функций по предметам совместного ведения органам исполнительной власти субъектов РФ исключает риск возможных злоупотреблений. Этот подход повышает эффективность системы контроля и противовесов, что соответствует принципам демократического правового государства, изложенным в части 1 статьи 1 Конституции РФ.

Список литературы

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссий-

- ского голосования 01.07.2020) — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
 3. Белоусова В. В. Публичное управление земельными ресурсами// Административное право и процесс.— 2023.— № 6. — Текст: электронный — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
 4. Гаджиев Г. Разграничение предметов ведения и полномочий в экономической сфере: юридический аспект//Федерализм. М., 1998 № 1 ст. 94
 5. Галиновская Е. А. Правовые проблемы модернизации института государственного правления в сфере использования и охран земель//Экологическое право.— 2023.— № 4. — С. 5–16
 6. Эйриян Г. Н. Журнал российского права № 3–2006 Л.70

УДК 34

Улучшения в части законотворческой деятельности для развития внешнеэкономических связей и международного сотрудничества СЗФО

Малыгин Виктор Сергеевич

магистрант Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» имени Д. Ф. Устинова

Аннотация: В статье анализируются возможности совершенствования законодательства для развития внешнеэкономических связей и международного сотрудничества СЗФО. Рассматриваются понятие и сущность внешнеэкономической деятельности. Отмечается, что на универсальном уровне нормы международного права не регулируют вопрос об участии субъектов федераций в международной деятельности. Приводится российская законодательная база международного сотрудничества субъектов России, выявляются её пробелы и несовершенства.

Abstract: *The article analyzes the possibilities of improving the legislation for the development of foreign economic relations and international cooperation of the North-West Federal District. The concept and essence of foreign economic activity are considered. It is noted that the norms of international law do not regulate the issue of participation of subjects of federations in international activities at the universal level. The Russian legislative base of international cooperation of the subjects of Russia is given, its gaps and imperfections are revealed.*

Ключевые слова: *внешнеэкономические связи, международное сотрудничество, законодательство, субъекты России, СЗФО.*

Keywords: *foreign economic relations, international cooperation, legislation, subjects of Russia, Northwestern Federal District.*

Субъекты Северо-Западного федерального округа (далее — СЗФО) занимают уникальное геополитическое положение [1]. Приморское положение округа в совокупности с другими факторами определяет транзитный потенциал региона и колоссальные возможности для развития международных и внешнеэкономических связей. До объявления санкционных ограничений соседство с европейскими странами во многом предопределяло акценты, которые были расставлены в межрегиональном и приграничном сотрудничестве в регионе. В настоящее время субъекты СЗФО развивают правовую базу сотрудничества с иностранными партнёрами, наиболее перспективными из которых являются Китай, Монголия и Белоруссия. Препятствием на пути к более активному международному сотрудничеству СЗФО и полноценной реализации экономического потенциала субъектов является неполная проработка законодательной базы такого сотрудничества [2]. Данное обстоятельство актуализирует исследование возможностей совершенствования законодательной базы в области международного сотрудничества.

Целью работы является изучение возможностей совершенствования законодательства для развития внешнеэкономических связей и международного сотрудничества СЗФО. Для её достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников.

Под внешнеэкономическими связями понимаются формы формирования и реализации задач межгосударственных отношений в рамках разви-

тия валютно-финансового взаимодействия, производственного, торгового и научно-технического и сотрудничества отдельных государств [3]. Внешнеэкономическую деятельность могут осуществлять органы власти, хозяйствующие субъекты, общественные организации и население территориальных единиц разных стран. Несмотря на введенные в отношении России санкционные ограничения, которые изменяют направления и замедляют скорость налаживания внешнеэкономических связей и международного сотрудничества, движение финансовых и трудовых ресурсов, технологий, передача управленческого опыта и результатов научно-информационного прогресса продолжается. Ключевое место в системе внешнеэкономических отношений продолжает занимать внешняя торговля, неотъемлемым элементом которой является инновационная деятельность и развитие технологий, используемых для производства и реализации продукции.

На универсальном уровне нормы международного права не регулируют вопрос об участии субъектов федераций в международной деятельности [4]. В то же время региональными международными организациями разработаны международные договорные нормы, которые регламентируют региональное сотрудничество государств-участников. Также значимую роль в регулировании международной деятельности субъектов России играют двусторонние межправительственные соглашения.

Российскую законодательную базу международного сотрудничества субъектов составляют:

- Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства РФ от 07.10.2020 N 2577-р [5];
- Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 N 229 [6];
- Основы государственной политики регионального развития на период до 2025 года [7];
- Федеральный закон от 04.01.1999 N 4-ФЗ [8];
- Федеральный закон от 08.12.2003 N 164-ФЗ [9];
- Федеральный закон от 26.07.2017 N 179-ФЗ [10];
- нормативные правовые акты субъектов России.

В соответствии со ст.ст. 71–72 Конституции России, внешняя политика и международные отношения России относятся к исключительному веде-

нию государства, а координация внешнеэкономических и международных связей субъектов и выполнение международных договоров государства — к совместному ведению России и её субъектов [11]. Поэтому, хотя традиционно субъектами международного права, которые наделяются международными правами и обязанностями, считаются федеративные государства, а не их субъекты, в соответствии с Законом N 4-ФЗ СЗФО может осуществлять международные и внешнеэкономические связи с административно-территориальными образованиями и составными частями зарубежных государств при наличии согласования с Правительством России и зарубежными государственными органами.

В научной литературе вопрос о правовой природе международных правоотношений с участием субъектов СЗФО является дискуссионным [12]. Можно выделить три позиции исследователей:

- международные отношения с участием субъектов являются актами гражданско-правового характера;
- трансграничные отношения, заключаемые субъектами, не регулируются международным правом, поэтому не являются международными договорами;
- часть заключаемых субъектами международных соглашений является международными контрактами между юридическими лицами разных стран, другая, заключаемая субъектами как органами публичной власти с органами публичной власти другого государства — публично-правовыми контрактами, близкими по своей природе к международным договорам.

На практике правовая природа международных правоотношений с участием СЗФО зависит от характера связей с иностранными партнёрами. Отношения, складывающиеся в культурной, гуманитарной, экологической, научно-технической и других областях, не являются имущественными и относятся к сфере действия публичного права, а отношения, носящие торгово-экономический характер, являются имущественными и товарно-денежными, основываются на равенстве сторон, что говорит об их частноправовой природе и указывает на необходимость регулирования нормами международного частного права.

Действующее российское законодательство не содержит определения ответственности субъектов СЗФО, которые не заявляют об участии

в международных и внешнеэкономических отношениях [13]. Механизм согласования осуществления трансграничных связей определяется законом и принятыми на его основе нормативными актами субъектов. Если субъект участвует в международных отношениях, не нарушая права и суверенные полномочия России, и выстраивает политический курс, не противоречащий российскому законодательству, то за несвоевременное уведомление Министерства иностранных дел России о налаживании таких отношений ответственность наступить не может. При этом государство не может принудить субъекты СЗФО прервать взаимодействие с иностранными партнёрами. Это формирует проблему определения пределов ответственности субъектов России.

Помимо этого, в федеральном законодательстве отсутствует механизм взаимодействия органов государственной власти, субъектов России и органов местного самоуправления при обеспечении функционирования иностранных представительств на территории страны.

Одной из проблем правового регулирования координации осуществления внешнеэкономических и международных связей СЗФО является наличие дополнительных соглашений о разграничении полномочий в области международных и внешнеэкономических связей государства с некоторыми регионами, в частности — с Псковской областью, входящей в состав СЗФО [14]. Данная практика поспособствовала развитию неравноправия субъектов, неравному разделению полномочий между субъектами в области внешнеполитической деятельности.

Правовая определённость в основаниях и механизмах реализации международных и внешнеэкономических связей субъектов СЗФО является одним из ключевых внутригосударственных факторов влияния на международное сотрудничество регионов [15]. Для её достижения требуется принятие отдельных законодательных актов, которые регулируют общественные отношения в области участия субъектов и округа в международной деятельности.

Таким образом, в условиях санкционных ограничений, принятых в отношении России, актуальной задачей экономического развития субъектов является поиск новых методов привлечения деловых партнёров, совершенствование форм внешнеэкономических связей и международного сотрудничества. Уникальное географическое положение СЗФО создаёт возмож-

ности для развития международных связей, однако для полноценного сотрудничества субъектов России с иностранными государствами требуется корректировка и совершенствование законодательства в части расширения объёма международных отношений и форм международной деятельности.

Список литературы

1. Приграничное и межрегиональное сотрудничество: результаты и лучшие практики субъектов СЗФО РФ. — СПб.: XX общероссийский форум «Стратегическое планирование в регионах и городах России», 2022.— 36 с.
2. Фролова Н. А. Развитие приграничных регионов России — сверхактуальная задача на современном этапе // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. — М., 2021. — С. 959–961.
3. Молдован А.А., Малыгин В. С. Поиск новых зарубежных партнёров для развития внешнеэкономических связей и международного сотрудничества СЗФО в условиях санкционного воздействия // Научный аспект.— 2023.— № 12. — С. 12–21.
4. Ведель И. А. Международно-правовое регулирование международной деятельности субъектов Российской Федерации: регионализм при отсутствии универсализма // Российское право: образование, практика, наука.— 2021.— № 2. — С. 28–37. — DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_28
5. Распоряжение Правительства РФ от 07.10.2020 N 2577-р «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364572/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 25.01.2024).
6. Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 25.01.2024).
7. Указ Президента РФ от 16.01.2017 N 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Президент России. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41641> (дата обращения: 25.01.2024).

8. Федеральный закон от 04.01.1999 N 4-ФЗ (ред. от 13.-7.2015) «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. — URL: <https://base.garant.ru/179963/#friends> (дата обращения: 25.01.2024).
9. Федеральный закон от 08.12.2003 N 164-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (дата обращения: 25.01.2024).
10. Федеральный закон от 26.07.2017 N 179-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об основах приграничного сотрудничества» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. — URL: <https://base.garant.ru/71730188/> (дата обращения: 25.01.2024).
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.01.2024).
12. Губарева А. В. Российская Федерация и субъекты Российской Федерации как субъекты внешнеэкономических правоотношений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.— 2023.— № 1. — С. 79–86. — DOI: 10.52452/19931778_2023_1_79
13. Михайленко Е.Б., Вербицкая Т. В. Политико-правовое регулирование участия субъектов Российской Федерации в международных и внешнеэкономических связях // Вестник Поволжского института управления.— 2021.— Т. 21, № 4. — С. 23–32. — DOI: 10.22394/1682–2358–2021–4–23–32
14. Зотов В. С. Организация международной деятельности субъектов Российской Федерации: работа над ошибками // Каспийский регион: политика, экономика, культура.— 2023.— № 1 (74). — С. 91–96. — DOI: 10.54398/1818510X_2023_1_91
15. Логвинова И. В. Проблема классификации факторов, влияющих на международные связи субъектов Российской Федерации и регионов зарубежных государств // Пробелы в российском законодательстве.— 2020. — Т. XIII, № 3. — С. 250–255.

Журнал «Научный аспект №1 2024»

Эл. почта редакции: public@na-journal.ru

Подробнее на сайте: <https://na-journal.ru>